

Алёна Комарова

Мечта жизни,

Или Наследство отменяется

Книга вторая

Алёна Комарова

**Мечта жизни, или
Наследство отменяется**

«Автор»

2023

Комарова А. А.

Мечта жизни, или Наследство отменяется / А. А. Комарова —
«Автор», 2023

У Марты Снегиревой больше вопросов, чем ответов. Встретиться с родственниками она только мечтала. Но мечты сбываются! Она приглашена на день рождения сводных брата и сестры, живущих в Польше, сломя голову помчалась в гости, чтобы разобраться и ответить на многие вопросы о жизни родителей. Но не одна Марта пытается разобраться - каждый член семьи пытается скрыть свою тайну и рассекретить чужую. Домработница решила рассказать тайны и назначила встречу. Но, придя на встречу, Марта обнаруживает безжизненное тело женщины. А семья начинает ее подозревать во лжи. И с этим не поспоришь, когда тест ДНК показывает ноль процентов родства. А это значит, наследство отменяется. А цена наследства – жизнь человека. Марта опять одна в чужом городе, наедине с неприятностями и убийцами. Валерий мчится на помощь подруге. Он погрузился в расследование ужасного преступления тридцатилетней давности. Его пытаются убить, но разве это может остановить следователя. Вторая книга об опасных приключениях Марты.

© Комарова А. А., 2023

© Автор, 2023

Алёна Комарова

Мечта жизни, или Наследство отменяется

Сегодня вечером

Марта попятилась задом в самую густую тяжелую темноту парка. Она боялась крови, а не темноту. Что может быть страшного в темноте? А при виде крови она падала в обморок. Такое уже было. Когда это было? В школе? В пятом классе? Или в седьмом? Какая разница?

Сегодня! Сейчас! Она сейчас упадет в обморок!

Марта стала заваливаться назад, ноги сами пытались восстановить равновесие, поэтому она попятилась задом. От этого ужаса и крови.

Она не могла больше смотреть, но смотрела. Не было сил и храбрости отвести взгляд. Она выпучила глаза и смотрела. Женщина лежала ничком на животе, лицом в траве, возле красивого куста лесного пиона. Волосы желтого цвета на затылке испачканы кровью, которая вытекла из огромной раны. Вытекла и испачкала все волосы, протекла возле уха, стекла по скуле, оставляя длинный широкий, темно красный след на белой коже.

Марта пятилась, тараща глаза на женщину. Шаг назад, второй, следующий, дальше от безжизненного тела. Только не потерять сознание. Но кровь приковывала взгляд и вытягивала силы из полуживой Марты.

Еще шаг вглубь темноты, дальше от освещенной дорожки, дальше от освещенной лавочки, дальше от освещенного тела женщины.

Бежать! Нужно бежать! Но ноги не слушаются.

Марта все пятилась и пятилась, пока не оперлась спиной об ствол дерева. Она остановилась и наконец, задышала. Да, она забыла, как надо дышать, а тут остановилась и задышала. Получалось плохо – прерывисто, нервно, лихорадочно.

Она запрокинула голову вверх и посмотрела сквозь лапы сосны на ночное небо, на луну, выползающую из-за тучки. Полнолуние. В такое полнолуние вылетают ведьмы на шабаш. В такое полнолуние выползают оборотни. Или они не выползают? Нет. Лет пятнадцать назад, в возрасте перехода из детства во взрослую жизнь, из начальной школы в асоциальное поведение переходного возраста, а именно в подростковом возрасте неокрепших понятий и пристрастий и желания оградиться от реальности и социума она читала мистические, вернее фантастические сказки. Про то, как оборотнями становятся. Люди становятся оборотнями. Вот был человек, а потом при свете полной луны он превращается в волка или подобие волка. Все это сказки и непонятные истории о тех существах, которые не имеют математической формулы и физического объяснения. А вот труп женщины имеется без всяких математических доказательств и теорем. Это все полнолуние со своими причудами. В полнолуние случаются самые страшные истории, а не сказки.

Бежать! Нужно бежать! Дышать и бежать.

И тут она почувствовала. Каждой клеточкой своего тела почувствовала. Каждой клеточкой кожи почувствовала сзади себя движение. Чьи-то жуткие руки тянулись к ней сзади. За деревом, о которое она оперлась спиной, кто-то стоял. Он захотел ее схватить. Схватить за горло. Или замахнуться тяжелым булыжником.

Не надо было видеть этого человека. А может и не человека вовсе, может это оборотень или ведьма, выползли в полнолуние.

Не надо было его видеть. Надо только его почувствовать. И она почувствовала. Его тонкие длинные пальцы с толстыми узловатыми суставами, с желтыми длинными и острыми, чуть загнутыми ногтями, потянулись к ней. Из темноты векового парка, прямо к ее горлу надвигалась угроза, опасность.

Не надо видеть этого человека. Можно почувствовать его желание навредить. Угроза в паре со смертью ходили рядом. И Марта их почувствовала.

И закричала. И оттолкнулась от ствола дерева. И побежала со всех сил. Побежала на свет. На освещенную тропинку, к освещенной лавочке, к освещенному трупу женщины.

Только не смотреть на кровь.

Так она и сделала. Стараясь не смотреть на окровавленную голову женщины, пробежала мимо нее по тропинке к замку. В огромном красивом замке есть люди. Не оборотни и ведьмы, а люди. Они спасут ее.

В жизни каждый шаг нужно обдумывать – умная, но запоздалая мысль. Чем Марта думала, когда отправилась ночью на тайную встречу с Зиной? Явно не умными мыслями.

Девушка на негнущихся ногах спустилась по широкой каменной лестнице на первый этаж. Она очень боялась поскользнуться на мокрых ступеньках... и упасть ... и сломать... как он...

Ее затошнило, но она сдержала этот произвольный порыв организма. Реакция на...

Она боялась упасть, но за перила не держалась и под ноги не смотрела. Она смотрела на него. Она боялась упасть и сломать себе шею. Так же как он. Он лежал возле первой ступеньки, неестественно закинув руку и правую ногу, неестественно закатив глаза, вывалив язык. Неестественно запрокинув голову. Живые люди так не смогли бы. Так могут лежать только мертвые.

Она подошла ближе и заглянула в глаза. Мужчина не имел зрачков. Они закатились вглубь головы и сияли белым глазным яблоком. Грудь не вздымалась от дыхания, как всего лишь минуту назад. Всего минуту назад он страстно и тяжело дышал, обдавая ее неприятным запахом изо рта.

Из желудка к горлу поднялось что-то большое и противное. Ее опять затошнило. Голова закружилась. Ее повело в сторону. Она схватилась за перила. Чтобы ее не вырвало прямо возле упавшего со второго этажа мужчины, она закрыла ладонью рот, закрыла глаза и попыталась привести себя в адекватное состояние души и тела.

Тело подышало, подышало и успокоилось. В животе все нормализовалось и спустилось обратно в желудок.

Душа вроде стала приходить в себя и потребовала: «Нужно уходить. Быстрее. Не тормози. Ты его убила. Ты его толкнула. Он упал. Тебя посадят. Срочно уходи».

Девушка переступила через безжизненное тело мужчины, скинула фартук, перебежала огромный холл, звонко цокая каблучками своей обуви, жалея, что не ходит в мокасынах или мягких тапочках, на шерстяной подошве.

Возле входа поскользнулась, чуть не упала, устояла, схватилась за ручку двери, отворила дверь, надеясь не встретить во дворе садовника и водителя, и выбежала из дома.

Она ничего не видела перед собой, только в глазах «кино»: от удара он не удержал равновесие и катится по ступенькам вниз. В глазах его ужас и паника. Единственное спасение – это перила. Он пытается расставить руки и зацепиться за них, но они далеко от него. Сейчас он умрет от перелома всех своих костей. Он это понимает. Он, как снежная лавина. Она пытается зацепиться за уступы скал, за деревья, но не может. Она слишком тяжела, чтобы остановиться на полпути. Только у подножия горы. Так и этот мужчина остановился только у подножия лестницы.

Девушка видела весь ужас и страх в его глазах. А еще она видела, как этот ужас и страх исчез. Ведь у безжизненного человека не может быть ужаса и страха. Ведь у безжизненного человека не может быть эмоций. У этого человека уже никаких эмоций не будет. Он умер.

«Кино» в ее глазах закончилось, а она все бежала и бежала.

Несколько дней назад

Марта, наконец, пробралась по узкому коридору между креслами к своему месту. Она сверила номер со своим посадочным талоном. Место ей досталось у окна, вернее иллюминатора. Вот здорово, косноязычно обрадовалась она. Мало того что она ни разу еще не летала на самолете, мало того что она боится летать на самолете, мало того что она боится высоты птичьего полета, и тем более самолетного полета, так ей еще и предстоит все это лицезреть в окошко, ой, в иллюминатор.

Она пристроилась на свое место, размышляя, стоит ли просить соседей поменяться с ней местами, или отважно смотреть своему страху (ну как страху? скорее опасению, точнее мандражированию) в глаза. Подумав и поразмышляв на тему, если ее хорошо примут в новой семье, (а именно на это она рассчитывала) новые родственники – брат Кристиан и сестра Беатрис – то ей придется хотя бы раз в год летать в Польшу. А обычные девушки летают обычно на самолетах. Это необычным девушкам на выбор предоставляется еще и метла. Марта усмехнулась – на метле страшнее.

Решив, что страх к самолетам и полетам на них, нужно преодолевать, она основательно и удобно устроилась на своем месте.

Самое лучшее средство избавиться от страха – не думать о нем.

Самое лучшее средство избавиться от страха – думать о всем, только не о нем.

Ну или хотя бы почитать книгу. Книгу она естественно не брала с собой. Непредусмотрительна. Зато в кармашке переднего кресла она заметила яркий красочный журнал тематики авиакомпаний. Она достала его, пролистала, отметив статьи, к которым вернется во время полета. Подумала и закрыла. Из головы не шла последняя встреча с Оленькой и Митей.

Каждый день приближал их всех к оформлению опеки над детьми. Вернее сказать, приближал их всех к этому юридический отдел фирмы «БигФудХаус». Юристы изо дня в день собирали документы, прибегали к ней за подписью, увозили папки в интернат, в отдел опеки и прочие инстанции. Марта честно не понимала, зачем собирать столько бумаг? Для сдачи в макулатуру? Кажется, документов уже подписано не одну тонну, а производители бумаги разбогатели только на «макулатуре» для опеки. Юристам большое спасибо, за то, что требуют, отстаивают, защищают и приближают день окончания бюрократических мытарств.

– Ты собираешься уехать без нас? – вспыхив, возмутилась девочка.

– Оля! – потребовал Митя – что это ты возмущаешься?

– Я же не на море еду – сказала Марта, как нашкодивший ребенок.

Да она провинилась, пообещала своему брату по отцу приехать к ним в гости в Польшу.

Две недели назад, он приезжал в Москву по делам, три дня жил в доме отца, который тот записал в завещании на Марту. Они познакомились. Он произвел на Марту положительное впечатление. А на Аню – умопомрачительное впечатление. Аня в тот же вечер сообщила Марте, что таких принцев она еще не встречала, и скорей всего больше не встретит.

– Ты обещала ездить только с нами.

– Что значит обещала? Прекрати! – потребовал брат.

– Оленька, я узнавала в интернате, вас не отпустят со мной. Тем более за границу. А Польша – это и есть заграница.

– Я знаю. Не надо мне объяснять, как пятилетней. Но ты же можешь, подождать, когда тебе дадут опеку. И тогда мы можем поехать все вместе.

Марте было стыдно.

– А как ты себе это представляешь? – развел руками Митя. – Марту пригласили брат и сестра. А придет вся толпа.

– Мы не толпа.

– Вы не толпа. Но... – попыталась оправдаться Марта, но девочка перебила.

– Ты меня обманула.

– Нет. Я всего лишь на неделю. Познакомлюсь. Вернусь. А в следующий раз поедем уже все вместе. Обещаю.

– Ты мне уже обещала. – Она безжалостно передразнила – только вместе, всегда вместе. Она сложила руки на груди, насупилась и продолжила:

– Ты же можешь остаться и подождать?

– Кристиан пригласил именно на этой неделе. У него и Беатрис день рождения. Я не могу не поехать. И я ведь не виновата, что опека так долго затягивает с подписанием всех документов.

– Оля, ты не имеешь право запрещать Марте ехать и тем более требовать остаться. Она и так только-только познакомилась со своим братом. Она знать не знала о его существовании. Марта думала, что у нее больше нет родственников. А тут оказалось, что у нее есть близкие, очень близкие, родные. А ты не даешь ей ехать. А если бы мы с тобой были в такой ситуации? Поставь себя на место Марты. Ты бы не поехала знакомиться со своей новой семьей? Ты бы осталась ждать каких-то разрешений? Тем более у твоего брата день рождения. Как бы ты поступила?

Оленька поджала губы, пожевала ими, опустила глаза и ответила:

– Я бы купила самый лучший подарок в мире и поехала к своему брату. – Она подняла на Марту свои красивые огромные глаза с капельками слез в уголках, подошла и обняла. – Извини. Я очень-очень не права. Ты должна ехать на день рождения.

Марта была очень благодарна Мите, он так по-филосовски выкрутил ситуацию. Марта бы не смогла поехать, если бы Оля и дальше пребывала в таком настроении – обвинительно – обидчивом.

На самом деле Митя был прав, Марта все время, сколько себя помнила, думала, (да что там думала, она была уверена), что кроме мамы у нее на этом свете никого нет. Об отце мама разговоры не вела. Марта несколько раз спрашивала в детском возрасте, и пару раз в юности, но получала один и тот же ответ, который отбивал желание спрашивать повторно. Да она и сама понимала: женщина, которая воспитывает ребенка одна должна принять одно из двух направлений: либо рассказать какой у ребенка отец мерзавец и подлец, либо вообще о нем не рассказывать. Видимо, мама решила, что третьего варианта не дано. Она решила стоять на втором варианте.

И каково же было ее удивление, когда она читала письмо отца, полученное в конторе международного юриста, из которого она узнала, что у отца еще есть дети-близнецы – ее брат и сестра. Так это-то не удивительно. Удивительно то, что ее нашел отец.

Еще больший ее шок был от того, что в том же письме отец рассказал, о знакомстве с ее матерью в институте. В институте! Этому Марта не могла поверить. Мама никогда не говорила, что училась в институте. Не говорила, что жила в Москве. Она наоборот всегда говорила и наставляла Марту на хорошую учебу в школе, чтобы была возможность поступить в институт, отучиться, получить профессию и пойти работать на высокооплачиваемую работу. А не так как она сама. Без образования! без опыта работы! без нормальной работы! Вот так все время в колхозе, на поле, с тяпкой, не разгибая спины.

Марта открыла сумочку, достала паспорт и вынула из него лист бумаги свернутый в два раза. Это было то самое письмо, которое навело в ее душе много смятений, родило очень много вопросов, и не раскрыло ни одной тайны.

Если бы она знала в этот момент, когда в сто первый раз перечитывала письмо, что на каждом шагу ее будет встречаться тайна жизни ее отца, то сошла бы с самолета, причем без парашюта.

«Дорогая, доченька. – Читала Марта – Я впервые тебя так называю, еще и в письме. Очень переживаю. Но поверь мне, и не сомневайся, я очень часто думаю о тебе.

В молодости я познакомился с твоей матерью. Она такая красивая была. Всегда была. Влюбился без памяти. Она тоже полюбила. Все в институте говорили, что мы самая красивая пара на курсе. Мы и были парой. Выпускную ночь мы провели вместе.

К сожалению, я не сделал предложение твоей матери и уехал на родину. Она осталась в Москве. Но при каждом моем визите, мы встречались. Так продолжалось почти двадцать лет. Я приезжал, она ждала.

Так повернулась судьба, что я женился на своей нынешней жене. Она очень хороший человек, добрая.

А потом твоя мать обратилась ко мне, когда узнала, что беременна. Извини меня, но я не смог с ней быть.

Я не смог оставить свою беременную жену. Твоего брата и сестру. Они близнецы. Беатрис и Кристиан.

Я много думал и удивлялся судьбе. Мои дети родились в один год, разницей в четыре месяца. Мне уже было сорок два года.

Я ругаю себя, что в сорок два года я был глуп. Когда Оксана сожгла все мосты и уехала из Москвы, я поддался порыву гордости и тоже не захотел с ней общаться. Как я себя ругаю.

Но ты, наверное, все это знаешь из первых уст.

Уже в старости я стал мудрее, я стал чаще думать о ней, о тебе. Хотел приехать. Да, да я знал, где вы живете. И я приехал. Но она сказала, что вы ни в чем не нуждаетесь и справитесь сами. Прости меня, я в этом виноват сам. Ведь хотел сжечь мосты, сжег, а другой дороги к тебе не нашел. После того, как она выгнала и не позволила видеться с тобой, я опять вернулся в Польшу.

Совсем недавно я узнал, что она умерла, но приехать не мог – болел. Но поверь, я думал о тебе все время. Говорил о тебе. Рассказывал своим детям. Потом написал завещание на тебя. Я очень надеюсь, что ты не откажешь мне в предсмертном признании. И не откажешься от моего подарка. Я знаю, что ни одно имущество не заменит тебе отсутствие отца. За это и прошу прощение.

Я очень хочу, чтоб ты знала, я твой отец, а ты моя старшая дочь.

Я очень надеюсь, что ты подружишься со своим братом и сестрой.

Я очень прошу тебя – прости меня за все».

Марта свернула лист, убрала обратно в паспорт, зная, что будет перечитывать его еще сто двадцать три раза, вернее, больше. Каждое слово из письма, казалось ей выдумкой, нереальной историей.

Чужая нереальная выдуманная история.

Чтобы доказать себе, что мама не врала ей, рассказывая ей свою биографию, что она не училась в институте в Москве, что не была студенткой, могла познакомиться с Мазуровским Святославом Раславовичем везде где угодно, только не в институте, Марта вернулась в Норки, в родное село, чтобы найти все документы матери.

И каково же было ее удивление, шок и разочарование, когда в старом бархатном альбоме для фотографий, за снимком маленькой девочки, она нашла фотографию диплома об окончании института финансов в городе Москва.

Удивилась. Ведь мама никогда не вспоминала об институте. Почему?

Шок. Ведь мама умышленно упустила несколько лет своей жизни, не вспоминая об институте, о студенческих годах, о знакомстве со Святославом. О своем дипломе финансиста. С красным дипломом она могла работать в банке, в министерстве, да где угодно, даже в колхозе главным специалистом. Всю жизнь она скрывала это от дочери. Даже в конце своей жизни ни слова не сказала. Хотя болела почти год и знала, что с таким диагнозом долго не живут. Но унесла все в могилу.

Разочарование. Ведь мама врала ей. Да? Да. Она говорила, что всю жизнь прожила в Норках. Сразу после школы пошла работать в колхоз.

Почему? Почему скрывала, утаивала? Почему врала? Что случилось? А случилось ли?

Столько вопросов. И кто может на них ответить. Никто. Никого нет. Ни мамы, ни папы.

Вопросы, на которые она не получала ответы, не давали ей покоя, не давали ей спать, они захватили ее всю, ее сознание, ее сон и подсознание. Все мысли были только о том времени, когда ее мама врала ей. Врала. Обманывала. Марта не могла уже с этим жить. Ей нужно было восстановить всю историю, чтобы восстановить незапятнанную репутацию мамы. Или она запятнана? В это не хотелось верить. Но...

Где взять ответы? Как найти информацию?

На сегодняшний день, а еще и на вчерашний, и видимо на завтра, вопросов было много, поэтому Марта вернулась в Норки. Найдя диплом, она отправилась в бухгалтерию колхоза, в котором мама проработала всю жизнь, сразу после школы. Если это так.

И каково же было ее удивление.

Колхоз уже развалился, но люди, работавшие при колхозе плавно перекочевали на работу в ООО, потом в ЗАО, потом в фермерское хозяйство. Благо люди остались и архив остался.

Не это, конечно ее удивило, а то, что трудовая книжка колхозника начиналась с года, когда родилась Марта, когда маме уже было сорок лет.

Пожилая женщина – бухгалтер – пояснила, что Оксана Максимовна Снегирева, переехала в Норки, пришла в колхоз, сказала, что все трудовые документы утеряны на прошлой работе, ее взяли подсобным работником, потому что без образования и диплома, лучшее не положено. Потом она ушла в декрет, потом вернулась из него, а потом...

А что было потом, Марта и сама знает.

Удивлению Марты не было предела, мысленно она металась в своей памяти, пыталась вспомнить, пыталась понять, пыталась найти объяснения.

Когда Марта еще училась в школе, в классе пятом или четвертом, они пошли в поход, недалеко, в ближайший лесок возле озера. Разбили лагерь. Громкое слово – лагерь, поход, точнее сказать вылазка учителя физкультуры с классом на природу, с разведением костра и жаркой на нем гренок и картошки в углях. Все с собой брали все то, что пригодится в походе-вылазке. Марта, например, взяла вареные яйца, потому что курей у них было много. Ромка взял палатку, потому что у отца имелась. Аня взяла котелок для варки ухи и одноразовую посуду. А Лена взяла фотоаппарат. Фотоаппарат – мыльница, почему их так называли, никто из ребят не знал. Сходство с мыльницами не просматривалось. Лена сказала: «Отец только что заправил фотик пленкой и она будет всех фоткать». Что она и делала, целых тридцать шесть раз. Они фотографировались у озера, всем классом, потом по отдельности, кто с кем хотел, потом опять всем классом, только уже у костра, потом опять по отдельности. Потом Лена сказала, что пленка закончилась, фотоаппарат сам, автоматически, со звуком уезжающего автомобиля перемотал пленку в барабан и выключился. Лена, как самая просвещенная, объяснила, что папа проявит пленку, ее можно будет посмотреть и выбрать нужные кадры. Они там под номерами. Она принесет пленку в школу и весь класс на перемене выберет нужные кадры, сделают заказ, а отец в фотоателье в райцентре для всех закажет фотографии. «Мы всегда так делаем, чтоб лишние деньги на фотки не тратить». Так и сделали, через неделю Лена принесла в школу пленку, вот только с десятого по восемнадцатый кадр фотопленка была засвечена. Ни одного кадра. Пустой промежуток. Есть снимки, где они разбивают лагерь, на поляне, возле леса, возле костра. А возле озера ни одного кадра. Как так получилось? Даже в фотоателье не смогли объяснить. Брак. Частично засвечена.

Как жалко, думала тогда Марта. Возле озера должны были получиться красивые фотографии. В тот день, выдалась безветренная теплая погода. Ничто не тревожило водную гладь. Каждое беленькое облачко, каждая птичка на небе, каждый листик на дереве, отражались в

зеркале воды. Это было неописуемо красиво. Казалось, даже отличное настроение учеников отражается в спокойной, зеркальной воде. Очень хотелось оставить в памяти каждый момент того дня проведенный возле озера.

А именно, кадры возле озера засвечены.

Вот этот фрагмент пленки напоминал Марте жизнь мамы. С одной лишь разницей, все то, что происходило тогда возле озера, Марта помнила, а то, что происходило с ее мамой, Марта даже не знала.

Хотя, всю свою жизнь Марта думала, что все про маму знает, про ее жизнь, про ее дом, где она жила, где училась, где работала.

А все оказалось не правдой? Частично все, частично не все.

На сегодняшний день, а еще и на вчерашний, и видимо на завтра вопросов не уменьшилось, поэтому она решила не останавливать поиски утратившей страницы биографии мамы, и, вернувшись в Москву, направилась в институт финансов. Оставила там запрос на имя ректора и стала ждать.

А еще она решила ехать в Польшу, благо ее пригласили на день рождения.

Так она оказалась в самолете по направлению в Варшаву.

Может семья Мазуровских знает о пробелах в жизни мамы. Это навряд ли. Навряд ли он рассказывал о своей... ммм... о своей подруге.

Хотя всякое может быть, про Марту же отец рассказал своим детям-близнецам. Она аккуратно поспрашивает и, может, восстановит этот ужасный пробел.

Самолет, не спеша, но уверенными темпами наполнялся пассажирами. Рядом с Мартой присел мужчина, а в проходе – парнишка лет шестнадцати, его мама села в соседнем ряду с дочкой лет десяти.

Мужчина галантно поздоровался, дыхнув на всех коньяком, удобно устроился, пристегнулся, затянул ремень и закрыл глаза. Через минуту он уже глубоко дышал, всем своим видом показывая: я тоже боюсь летать, поэтому для храбрости влил в себя сто грамм коньяка и теперь весь полет просплю сном младенца.

Женщина усадила дочку, пристегнула, дала четкие указания сыну по поводу наушников от телефона, торчащих из его ушей:

– Один наушник вытащи.

– Ну, мам.

– Что? Так положено.

– Ну, мам, – парень закатил глаза.

– Сейчас к тебе проводница подойдет и сделает замечание.

– Стюардесса – недовольно поправил сын.

– Вот обязательно надо сделать мне замечание. Ты же меня понял.

– Да понял я, понял – парень вытащил один наушник, из которого стучала, громыкала музыка.

– Мам, – позвала девочка – я пить хочу.

– Сейчас дам.

Женщина вернулась на свое место.

Марта опять загрустила, вспомнив, как Оля обиделась на нее. Марте было стыдно, но она не могла взять с собой детей. Ну ничего в следующий раз обязательно возьмет. Скорей всего, следующая поездка будет обязательно в Крым, обязательно с Митей и Олей, обязательно с Анютой. А предел счастья – еще и с Валерием Викторовичем и его дочуркой Светочкой. Но он, продолжает вести себя отстраненно и сдержанней, но так же галантно, культурно и великодушно. Как будто ей только это надо. Она по-прежнему, а иногда даже с большей силой мечтает о любви, о нем, о его поддержке, о его особенном взгляде. Но она продолжает вести

себя как прилично воспитанная барышня. Марта хмыкнула, в принципе, так и есть, с этим не поспоришь.

А вот Валерий изменился, стал сдержанней. Хотя, она голову может дать на отсечение, он хотел ее поцеловать. Он хотел ее защищать, он хотел ее поддерживать. И дело вовсе не в том, что она была в заложниках у Кости, не в том, что бандит хотел сделать из нее сексуальную рабыню. Дело в том, что Марта понравилась Валерию. Она это знала точно. Но все изменилось, как только она приняла наследство. Может правду Анечка говорит: «Валера решил, что он тебе не пара».

Что за глупости? Пара не пара. Все это предрассудки, условности, которые можно поменять.

Она видела этот особенный взгляд. Она его никогда не забудет. Взгляд с искоркой нежности и туманом страсти. Да и сегодня, когда он проводил ее в аэропорту, улыбнулся, помахал рукой и взглянул...

Ну, да. Действительно. Такой же особенный взгляд. Взгляд трепетный с нотками переживания, нежности и... еще чего то...

Через некоторое время самолет стал выруливать на взлетную полосу, а стюард и стюардессы стали объяснять использование масок, жилетов и правил поведения в самолете. Марта внимательно слушала, внимала и запоминала. Чтобы отважно посмотреть своему страху в глаза, нужно внимательно изучить его.

Говорят, если знаешь, то не так уж и страшно. Пугает незнание.

А что Марта знала о взлете самолета? Ничего. Поэтому, когда самолет стал разгоняться и с резким ускорением подниматься в небо, она от страха вытаращила глаза, схватила журнал и прижала его к груди. Уши заложило, в горло поднялась тошнота, Марта быстро достала с кармана леденец и положила его в рот, интенсивно рассасывая. Самолет выровнял свою траекторию полета и полетел плавно. Конфеты помогли справиться с заложенностью в ушах и тошнотой, и Марта успокоилась. Теперь она знала эти ощущения, ничего катастрофически страшного в них нет. Теперь они не будут ее пугать в следующий полет.

Страх отошел, и вернулись мысли о любимом человеке, который предусмотрительно и вовремя дал ей пакетик с конфетками.

«Почему он не поцеловал меня? – думала Марта. – Ведь у него была такая возможность. Если бы он тогда меня поцеловал, все кардинально бы изменилось. Теперь я буду ждать его проявления чувств годы, десятилетия. До самой старости. Времени у меня много. Надеюсь, он проявит храбрость раньше, чем я состарюсь. Он ведь храбрый полицейский. Это обнадеживает. Может, долго ждать не придется».

Марта вздохнула, мужчина рядом всхрапнул, разбудил себя, поерзал на кресле, и опять заснул.

Стали разносить еду и Марта отвлеклась с приятных мыслей о Валерии. К страху к полетам она тоже не возвращалась.

Марта вышла в зал аэропорта, катя за собой чемодан.

Она с Аней долго думала, что из гостинцев взять для угощения новых родственников, но так и не придумали ничего путного. Что они предпочитают, никто не знал. Что бы им понравилось, не понятно. Поэтому она купила несколько килограммов конфет, решив, что сладкое угощение приятно каждому человеку.

Кристиан спокойно осматривал выходящих пассажиров, цепляясь взглядом за лица. Марта заметила его сразу, он выделялся из толпы встречающих – высокий, статный, красивый блондин, в черном пиджачном костюме. Весь его вид говорил о достатке, интеллигенции и успешности во всем.

Почти все женщины независимо от возраста обращали на него внимание. На некоторых отсутствие рядом с ним девушки, действовало впечатляюще. Проходя мимо, они старались задержать его взгляд на себе. Кристиан, видимо был привычен к подобным реакциям, поэтому не поддавался чарам кокетства.

Заметив Марту, он улыбнулся и помахал рукой. Направился к ней.

«Интересно, подумала Марта, как он меня воспринимает? Как сестру? Или девушку, свалившуюся на его семью, как снег на голову?».

Пока шла ему навстречу, присматривалась и издалека осматривала. С первого взгляда, а также всех последующих взглядов, ей виделось общее сходство с братом. Во всяком случае, ей так хотелось.

– Привет, Марта, – заговорил он на вполне хорошем русском языке.

– Привет, Кристиан, – скромно улыбнулась девушка.

Она не знала, как поступить. Возникла неловкая пауза. По сути, они родные люди, но совершенно не знают как себя вести друг с другом. Кристиан раздумывал быстро и четко, не дал ей времени сомневаться, обнял ее и поцеловал в щеку.

– Как я рад. Наконец-то ты приехала. Давай сюда свой чемодан.

Он взял из ее рук ручку от чемодана, Марту взял за руку и повел к выходу.

– Я тоже очень рада – спохватилась Марта. Где-то внутри души она была открыта для общения, но не могла справиться с замкнутостью. Как будто пленка стеснения и привычки к сиротству на поверхности не позволяла пробиться потоку родственных чувств. Такие отношения – норма для полноценных счастливых семей. Память «услужливо» напоминала Марте, что половину из этого она не знает.

– Жаль, что отец не дожил до этого – с ноткой грусти, сказал Кристиан.

– Да – согласилась Марта. Она не знала, но ей показалось, что брат часто об этом думал. Они вышли на стоянку. Чемодан приятно стучал колесиками по плиточке дорожек.

– Я ведь про отца ничего не знаю – сообщила Марта.

– Да? – удивился Кристиан и посмотрел на нее сбоку вниз. – Почему?

Марта пожала плечами.

– Долгая история.

– У нас теперь полно времени – философски ответил Кристиан, – у меня есть время слушать, а ты как будешь готова – расскажи.

– Конечно – горячо заверила Марта. – Я просто не совсем понимаю, почему ничего не знаю про отца. Дело в том, что моя мама совсем ничего о нем не говорила. Так жаль, что их уже нет в живых.

– Да. Спросить не у кого – согласился Кристиан.

– Я так надеюсь, что вы мне про отца расскажете.

– Расскажем – опять согласился парень.

Они подошли к низкой спортивной машине, белого цвета, под стать Кристиану. Почему-то Марта догадывалась, что у такого спортивного парня должна быть спортивная машина. Кристиан щелкнул на кнопку пульта, машина весело поздоровалась с хозяином и... (такое Марта только в кино видела) сделала ошарашивающее: плавно отодвинула свою крышу.

– Ничего себе – не удержалась Марта – никогда не ездила в кабриолете.

– Это моя «летняя» машина. Пока тепло на улице, езжу с открытым верхом. На зиму у меня теплый джип. А у тебя какая машина? – хитро поинтересовался Кристиан, любясь реакцией своей новой сестры.

Марта заподозрила в его вопросе некий подвох, но быстро откинула подозрения. Ни одна интонация не сбивала её с пути наивности. Иногда Марта ругала себя за это, но, решив, что Кристиан таким образом пытается настроить общение, честно ответила:

– У меня? Никакой. Ну, вернее, – Марта развела руками – отец оставил мне в наследство фирму... ну ты знаешь...?

– Конечно. Мы все в курсе, что ты унаследовала российскую фирму и... как это? – он посмотрел на небо, мысленно поискал слова и продолжил – движимое и недвижимое имущество. Это нормально. Я бы на месте отца тоже свою дочку не обидел. Так какая у тебя машина?

– На фирме автомобиль «шевроле Тахо», здоровенная такая. Мне лестницу приставлять надо, чтоб в нее забраться – пошутила Марта. – В комплекте с машиной есть шофер Илья. Он меня возит. Вот.

– Сама не водишь?

Марта отрицательно помотала головой.

– Учись – пригодится.

Посоветовал Кристиан и аккуратно положил чемодан в автомобиль, открыл дверцу Марте и пригласил.

– Поехали, сестренка? Буду знакомить тебя с семьей.

Марта села в машину, сияя от счастья – наконец-то он расставил все точки над ё: он назвал ее сестрой, он пригласил ее в семью, он принял ее в семью. А если так, и она принята в семью, значит, она нашла семью, значит она не одна на белом свете, значит, у нее есть родственники. Какое же это счастье – осознавать себя родной в семье и не бояться быть отвергнутой, непринятой.

Сказка. Мечта.

Мечты сбываются. Обрести семью – самая заветная мечта жизни Марты.

Она давно об этом мечтала. Мечтала красочно. Приукрашала краски вкусом. Пробовала на вкус. Это как варить вкусное абрикосовое варенье. Оно похоже на солнце. Оно похоже на мечту. А мечта похожа на варенье. Вкусная и сладкая.

Воображение с лирическими нотками разрисовало, сварило, приправило сахарком, попробовало варенье из мечты.

Воображение с лирическими нотками отступило под натиском скептической реальности, и Марта улыбнулась, подумав: «Главное не подавиться вареньем из мечты».

Ехали они долго, с ветерком и опаской. Вернее с опаской ехала только Марта, потому что впервые в жизни ехала в автомобиле без крыши. Она не понимала, как можно ехать в кабриолете – ветер со всех сторон, пыль от дороги и жара, либо дождь. Но, на удивление, в течение всей поездки, поменяла свое мнение. Оказалось, что ветра со всех сторон не было, даже прическа не испортилась. Солнце не пекло, поэтому солнечного удара ни Марта, ни Кристиан не получили. Хотя летом могло быть и наоборот. Дождя не было, поэтому добрались сухими.

Выехав со стоянки аэропорта, по объездной дороге они ехали из города. Марта знала, что дом ее брата и сестры не в самой Варшаве, а в элитном пригороде столицы.

Минут через сорок они подъехали к красивым воротам, расположенным посередине длинного кирпичного забора. Железные, кованые ворота отъехали, Кристиан плавно вырулил во двор, проехал по вымощенным камнями дорожкам через парк вековых деревьев, к центральному входу дома, больше схожего на замок. Да действительно, замок – из серого камня, под старину. Трехэтажное здание в форме треугольника с полукруглыми концами – центральный вход располагался в одном полукруглом крыле, в стороны от него уходили два крыла. Марта представила, что внутри двора должно быть есть бассейн. Во всяком случае, она бы именно там его разместила, закрытый от ветров, парковой пыли и посторонних глаз. Хотя какие здесь могут быть посторонние глаза? За высокий забор не всякая птичка перелетит.

Марта восхищенно осматривала дом и округу парка.

– Ну как тебе? – спросил Кристиан, открывая перед ней дверцу автомобиля.

– Шикарно.

– Этот дом проектировали всей семьей – похвастался он, сделав ударение на слове всей.

Марта почувствовала ревностный укол в сердце. Ей на секунду показалось, что не имела право врываться в семью отца и нарушать там гармонию. Она быстро справилась с порывами совести. Самый быстрый способ укротить её – убедить, что это была воля отца, а сама Марта никуда не врывалась и по своей воле не желала ничего нарушать, тем более семейную гармонию.

– А парк?

– Половина деревьев здесь уже была насажена. Им лет сто.

– Я люблю деревья, кусты, природу.

– У вас с отцом, наверное, одинаковая любовь – к природе. Пойдем. Проходи в дом. Я возьму твой чемодан.

На крыльце Марта замешкалась, решила подождать Кристиана, он поставил чемодан возле машины, быстрым бегом атлета поднялся на крыльцо и позвонил. Через дверь послышалась звонкая, но быстрая трель. Дверь тут же открыла женщина лет сорока пяти. Она как будто стояла рядом с входом и ждала звонка. Одета она в синюю униформу с белым воротничком, рукавами и передником на поясе. Она поздоровалась и искренне улыбнулась, пропуская хозяина и Марту.

– Чемодан у машины. Зина, возьмите его и отнесите в комнату Марты – дал указания Кристиан домработнице, взял Марту под руку и повел, объясняя – дом я тебе покажу позже, а сейчас познакомлю тебя с Беаткой и мамой.

Беатка и мама сидели в огромном зале с камином и окном во всю стену. Видом во двор никто не интересовался, но он завораживал.

«У отца, наверное, была любовь к огромным окнам во всю стену» – подумала Марта.

В доме отца, вернее, теперь уже в ее доме, тоже есть огромное окно с видом на вечнозеленые деревья и двор.

– Мама! Беатрис! Мы приехали. Прошу любить и жаловать – Марта – объявил Кристиан.

– Добрый день – скромно поздоровалась Марта.

Беатрис тут же подскочила с дивана и кинулась на шею Марте:

– Как я рада! Вот ты какая. – Она покрутила Марту, быстро оценила и подытожила, засмеявшись – прям как я.

Мать статно поднялась со стула, подошла к Марте и протянула руку, проговорила по-польски:

– Дзень добры! Алисия Марековна.

– Здравствуйте – Марта пожала ей руку.

Марта не ожидала увидеть молодую мать своих брата и сестры, она сразу обратила внимание, что женщине на вид от силы лет сорок, видимо отец женился на молодой девушке, когда самому было лет сорок. Она очень отличалась от ожидания, которое Марта сама же придумала, потому что опиралась на возраст и вид своей мамы. Мама родила Марту, когда ей исполнилось уже сорок лет, а Алисия Марековна в расцвете сил и красоты. Красота действительно в ней присутствовала с избытком. Ухоженная кожа, волосы блестят, руки гладкие со спокойным, не вызывающим маникюром, губы накачаны, грудь скорее всего тоже, хотя может от природы такая шикарная и завидная. Но судя по взрослым детям и подсчитав несложную математику, Алисия Марековна лет семь себе убрала, ухаживая за собой. А второй пример в этой не сложной математике привел ее к выводу, что отец женился на двадцатилетней девушке в свои сорок с лишним.

Дочка соответствовала своей матери, с одной лишь разницей – шумная, хохотливая, несдержанная эмоционально.

Кристиан сел на диван и оттуда проинформировал:

– Мама не говорит по-русски. Придется общаться через переводчика, то есть меня и Беатку.

Беатрис потянула Марту на соседний диван, они плюхнулись на мягкие низкие сиденья, Алисия Марекровна вернулась за стол. На столе были разложены бумаги и включен ноутбук. Она опустила экран компьютера, видимо не собиралась больше работать с ним.

– Я буду тебе переводить – пообещала Беатрис и нетерпеливо потребовала – ну, давай рассказывай.

– Что рассказывать?

– Ну как дела? – засмеялась девушка.

Марта позавидовала её беспечности и простоте и улыбнулась.

– Нормально.

– Ну, нет! Так дела не пойдут. Ну что такое нормально? Давай все рассказывай. Мы же о тебе ничего не знаем.

– Ну, я тоже о вас ничего не знаю – резонно заметила Марта.

Мать что-то сказала, Марта ничего не понимала, сколько не вслушивалась в ее слова, польский говор казался ей быстрой песней на одной ноте, без пауз, запятых, ударений и расстановок. Кристиан перевел для Марты:

– Мать сказала, чтоб Беатрис не приставала к тебе с глупыми вопросами. Действительно, Беата, успеет она еще все рассказать, не на час же приехала. Столько времени у вас еще будет.

– А мне не терпится.

– Я просто не знаю с чего начать – поддержала сестру Марта.

– А ты пока ни с чего не начинай – разрешил Кристиан, – пообедаем, выпьем вина за знакомство, а потом будем делиться новостями.

Беатрис засмеялась:

– Новостями? Кристиан, нам, чтобы друг друга узнать, нужны анкеты. Как на собеседованиях.

– А какие анкеты на собеседованиях? Ты откуда можешь знать? Ты же ни дня не проработала. И тем более ни разу не была на собеседованиях.

Марте показалось, что Кристиан сказал это с укором. Беатрис засмеялась и парировала:

– А мне и не надо, мне и так всего хватает.

Кристиан что-то сказал по-польски и махнул рукой, судя по тону, он предположил, что сестра глупая и безответственная. Алисия Марекровна не промолчала, видимо защитила дочку.

Кристиан махнул и на нее и пояснил Марте:

– Не обращай на нас внимание. У нас такое частенько. Мы привыкли так разговаривать. Мы друг друга понимаем и не обижаемся.

Марта скромно улыбнулась, удивляясь, как не обращать внимание, как-то не удобно получалось, мало того что она невольный свидетель накала страстей, так она еще ничего не понимает из разговора. Откуда она может знать, о чем они разговаривают на своем родном языке, половина слов не понятны. Да какая там половина! Все слова не понятны. Из всего разговора она выхватывала и понимала только имена.

– Когда будет обед? – спросил Кристиан у всех сразу и взглянул на часы – пора уже. Есть хочется.

– Зоська, – негромко позвала Алисия.

В комнату вошла женщина, которая открывала двери и должна была отнести чемодан Марты в ее комнату.

Алисия разговаривала с ней, видимо уточняя про обед, время и «пора уже и есть хочется».

– У нас в субботу день рождения – сообщила Беатрис.

– Да, я знаю. Я специально приехала к вашему дню рождения.

– Чтоб нас поздравить? – засмеялась сестра.

– Да. Только – она понизила голос для секретности – я совсем не знаю о вас, и мне было сложно выбрать подарок.

– Ты сама, как подарок – Беатрис громко засмеялась. – Сюрприз для всех.

– Беата! – сделала замечание Алисия.

Домработница Зоська, которую Кристиан назвал Зиной, уже ушла, получив указания от хозяйки дома, и Алисия что-то писала в бумагах. Видимо дочка своим громким звонким и неожиданным смехом отвлекала ее от работы.

– Ты такая веселая – восхитилась Марта.

– А что мне грустить?

– Нет, конечно.

– А ты серьезная?

Марта согласилась.

Алисия поднялась со стула и объявила, что обед уже готов и пора идти в столовую (Беата перевела).

– Наконец-то – обрадовался Кристиан, как самый голодный.

Зайдя в столовую, и почувствовав все ароматы еды, Марта тоже поняла, что очень голодна.

Марта беглым, но чисто женским взглядом прошла по обстановке столовой. Вся мебель кричала о своем дорогостоящем виде. Белая лакированная, она блестела, сверкала и отражала солнечный свет как зеркало. Белая столешница огромного обеденного стола была заставлена тарелками, бокалами. Стол ломился от закусок и лакомств, богатой посуды, наверное, фарфоровой.

Зоська, вернее Зина, выставляла на стол горячее. От мяса шел пар и аромат, витал по столовой, попадал в нос и заставлял разгораться аппетиту.

Алисия, естественно села во главе стола, Кристиан Марте отодвинул стул сбоку, а сам сел возле Беатрис с другого бока от матери спиной к огромному окну во всю стены.

Очень любил отец большие окна! Интересно сколько в этом доме таких больших окон. Вид из окна был шикарный, бассейн с фонтаном в середине.

– Дом у вас шикарный – в очередной раз восхитилась Марта.

– А у тебя? Разве не шикарный? – засмеялась Беата.

– У меня тоже шикарный – согласилась Марта, понимая о каком доме, зашла речь. – Только, вы же знаете, что мне достался этот дом по завещанию... и живу я в нем... без году неделю.

Зина, которую почему то называли Зоськой, подошла к Алисии и стала за ней ухаживать, что-то в полголоса спрашивать, видимо уточнять предпочтения в обеде. Марта не знала как себя вести за столом, можно ли брать еду самой, или нужно дожидаться домработницы, которая сама наложит в тарелку, то, что закажут. А что она закажет? Марта осмотрела стол. Меню стола кардинально не отличается от русского, все понятно и доступно, что не скажешь о языке. Она бы съела картошки и большой кусок мяса с овощами, а может рыбу? Можно и рыбу со спаржей.

– Марта, – Кристиан передал ей тарелку с овощами – будешь?

Марта согласилась, взяла, переложила часть себе, передала тарелку Беатрис, и приступила к еде. Значит все же в этом доме самообслуживание у всех. Кроме Алисии.

Кристиан разлил вино в бокалы и предложил:

– Давайте выпьем по старому, русскому обычаю – за встречу.

Беата звонко засмеялась, Марта не совсем поняла причину ее смеха, но ей нравился веселый характер девушки. Вот Марта так не умела, с каждого слова, с каждого пустяка смеяться, не умела радоваться каждой секунде своей жизни. Молодец Беатрис! С нее надо брать пример.

Кристиан перевел тост для матери, они стукнулись бокалами. Марта пригубила чуть вина, всего пол глотка, оно было очень крепкое и сладкое, такого она не пила.

Пить алкоголь она не умела, и не старалась научиться. Несколько раз пробовала, но результат не оправдал ожидания, а опозорил. Стыдно было. Первый раз вино она попробовала в одиннадцатом классе, за школьной беседкой после уроков, в день рождения Ромки. Одноклассники утром его поздравили, а он сказал, чтоб Марта, Анечка и Валик после уроков не расходились – будет сюрприз. Сюрприз оказался в виде бутылки дешевого портвейна, пачки печенья и четырех пластиковых стаканчиков. Марта в долгу не осталась и приготовила сюрприз тоже. Непроизвольно.

Марта пить отказывалась, но друг детства, а по совместительству еще и именинник стал обижаться и этим самым давить на нее. Марта по своему характеру, девушка покладистая, отзывчивая и безотказная, тут же замучилась совестью и выпила столько, сколько ей наливали за крепкое здоровье Ромки, за любовь Ромки, за счастье Ромки и его оценки в школе, которые, кстати, все ползли и ползли вниз.

Сюрприз Ромки удался, но сюрприз Марты был произвольным, неожиданным, гадким и неэстетичным. Ромка разлил последний портвейн по стаканчикам, они стукнулись мягкими боками одноразовой посуды. Марта опьянела, окосела и поплыла, ноги подкашивались, голова не соображала, в ушах шумело, а в глазах двоилось и плыло. Выпив, она почувствовала, как портвейн возвращается обратно, она подскочила, пьяной походкой, держась за стену беседки, дошла до угла, завернула за него и там ее вывернуло. Анечка, побежала за лучшей подругой, придержала и поддержала, и пацанов отругала, и заставила сходить за жевательной резинкой. А потом отвела домой и еще долго приводила в трезвые чувства. Благо, что мамы дома не было. Марту все время трясло, знобило, и Аня отпаивала подругу горячим чаем. Чай тоже возвращался, но Анечка настырно заливала его в подругу.

Но жизнь Марту не чему не научила с первого раза.

Примерно через полгода Марта попробовала вино на дискотеке, реакция была похожая, благо без выворачивания наизнанку. Но с тех пор она прекрасно знала, что сюрпризов от вина не будет, реакция на него уже может быть предсказуема. И с тех же пор она не употребляет алкоголь, боясь и опасаясь реакции ее организма на него. Боясь и стыдясь косых взглядов на неадекватное поведение выпившей Марты.

Все с удовольствием и огромным аппетитом поедали обед, Марта тишком, чтоб не сильно откровенно, стала наблюдать за новыми родственниками и их матерью.

Вот она вызывала особый интерес. Такая степенная, как королева Саксонская – какая-то там Мария, или даже Королева Елизавета. Да, без разницы. Ключевое слово Королева. Она смотрела себе в тарелку, не опуская головы, она поднимала веки и внимательно осматривала всех, кажется не испытывая никаких эмоций. Но разве можно без эмоций? Нет. Значит, эмоции есть, только она их не показывает. Какая молодец!

Марта мысленно улыбнулась своим заключениям – Беатрис молодец – веселая, Алисия молодец – сдержанная. А Кристиан? А Кристиан – просто молодец – мужчина в доме, видимо кормилиц. Пошел по стопам отца и теперь не дает развалиться бизнесу. Кристиан – молодец. Но Алисия за столом работала на компьютере и с бумагами, значит не сидит на полном обеспечении у сына, значит, тоже работает. Все они молодцы!

Марте нравилась эта семья, она была открыта к общению и настроена на хорошие отношения. Поэтому старалась видеть и замечать положительные стороны новообретенных родственников. Алисию Марековну она тоже стала мысленно называть своей родственницей. А как же еще? Алисия – жена отца, мать брата и сестры. Она автоматически переходит в статус родственницы. Жалко только, что с ней трудно будет общаться – через переводчицу Беатрис.

Да и сама она молчунья. Красивая, статная, королева-молчунья.

Но как бы Марта ни пыталась не пить, все же несколько глотков вина пришлось сделать. Как ей показалось, Кристиан слишком часто поднимал бокал. Беата заметно захмелела и улыбалась уже без причины, косила глазами, говорила то по-русски, то по-польски, а может и еще на другом языке. Она пыталась все время что-то рассказать Марте, утверждая:

– Я тебе все расскажу. Ты же ничего не знаешь. Я тебе все покажу. Мы с тобой лучшие подруги. Я тебя уже люблю.

Мать-королева все время делала ей замечания и, предупреждая, грозила пальцем:

– Беата. Беатрис.

Кристиан посетовал:

– Хотел сегодня еще съездить на работу в офис, но видимо не судьба. Напился. Грех не выпить в хорошей компании.

В конечном итоге обед закончился тем, что Алисия и Кристиан взяли под руки Беатрис и повели на второй этаж, в ее комнату. Марта скривилась, вспомнив свой одиннадцатый класс и день рождения Ромки. Кажется, Беатрис ждет такой же сюрприз. Но радовало одно – в этом они похожи как родные сестры.

Вино вскружило голову, хотелось быстрее на свежий воздух. Зачем она пила? Надо будет на день рождения Кристиана и Беатрис не пить спиртного! – сама себе приказала Марта и напомнила – еще не хватало опозориться.

Марта не просто вышла, она выскочила на улицу, и очутилась на высоком крыльце, постояла, вдыхая свежесть ароматов цветов и елей. Нужно было привести себя в порядок, но голова кружилась. Марта спустилась по ступенькам и прошла по дорожке вглубь парка. Нашла скамейку, села, откинулась спиной и закрыла глаза.

– Может вам чего-то принести? – спросили рядом.

Марта, испугавшись от неожиданности, резко открыла глаза, возле нее стояла женщина, которая открывала им дверь и ухаживала за Алисией во время обеда.

– Ой, вы говорите по-русски! – обрадовалась Марта.

– Да, еще не забыла. – Улыбнулась женщина, но увидела, что девушка юмор не поняла и не оценила, пояснила – я с Украины. Зинаида. Зина. А вы дочка Святослава Раславовича.

– Марта.

– Да, я знаю. Святослав Раславович в последнее время только о вас и говорил.

– Да? Честно? Расскажите, пожалуйста. – Марта подвинулась на лавочке, освобождая место Зине. – Я ведь отца совсем не знала.

Зина присела рядом на краешек и посетовала:

– Ох, бедненькая, совсем отца родненького не знала. Вот так всю жизнь прожила и не видела ни разу? Правда, ведь?

– Правда.

– Ох- ох-ох. Хороший он человек был. Добрый, справедливый. Предприимчивый очень, и даже щедрый. Жалко, что ты с ним не пообщалась. Он бы тебе понравился. Он всем нравился. У него такая! энергия была. Прямо светился весь ею. И харизма. Душа компании. Любой. Со всеми язык находил. Я его правда в офисе не видела, но часто слышала. Только ты не думай, я не подслушивала – строго отметила женщина.

– Я и не думала – заверила Марта, она с интересом слушала женщину, которая хоть немного знала ее отца и имела желание поделиться этими знаниями.

Вот Беата тоже имела желание все рассказать, все показать, только нормы в вине не чувствует и вышла из строя желающих делиться информацией и новостями.

– Я никогда не подслушиваю. Просто так получается, то прибираюсь в кабинете, а ему позвонят, и я все слышу, то за столом сидит, – она поправилась – сидел, обедает, то есть обедал,

а ему звонят. Так вот я часто слышала, как он по телефону деловые вопросы решает, то есть решал. И вот думаешь, что все, прогорело дело, а нет, Святослав Раславович все же решает, как говорит мой сын, разруливает ситуацию. А сейчас всеми делами занимается Кристиан. А как он вопросы решает, я не знаю. Он все время в офисе отца сидит. Пошел по стопам отца, еще в детстве ему помогал. Думаю, Святослав Раславович ему свои навыки в общении и работе передал. Хороший парнишка. Молодец.

– А отец мой? Расскажите о нем – вернула Марта женщину к нужному разговору, про Кристиана она и так может все узнать, вот он рядом, а отца уже нет. Ей хотелось как можно больше людей послушать о нем.

– Святослав Раславович детей любил. – Она спохватилась и внимательно посмотрела на Марту – ты не обижайся. Я так понимаю, он о тебе совсем недавно узнал?

Марта промолчала, она и сама не знала, зачем отец вспомнил о ней, знал же о ней давно, еще до ее рождения. Она не понимала, почему мама перестала с ним общаться, что такое могло между ними произойти, что она беременная уехала из Москвы, бросив все и всех.

Марта тяжело вздохнула, не стала разубеждать Зину, что отец знал о дочери, о том, что Оксана, ее мать, переехала из Москвы в Богом забытую деревню Норки. Но Зина с таким трепетным воспоминанием восхищалась ее отцом, что Марта решила ей не рассказывать эту страницу его истории. Жила она без этой информации и пусть живет дальше, не зная всей правды. Жила Зина, восхищаясь хозяином дома, в котором она работает, пусть и дальше восхищается.

– Интересный он человек. Был. Но так уж устроен мир, что люди уходят. А ты, дочка, если совсем не знала отца, то мне много нужно тебе рассказать. Ну, во всяком случае, я с удовольствием вам все расскажу, что знала о вашем отце. Мне приятно его вспоминать. Только история это длинная, а мне нужно ужин готовить.

– Давайте я вам помогу. С ужином. А вы мне все расскажите – попросила девушка.

Зина улыбнулась:

– Спасибо, конечно, дочка. Но здесь так не положено. Ты хозяйская дочка. Если Алисия увидит тебя со мной на кухне, разозлится. Меня отругает.

– Ой, – вспомнила Марта, – Алисия такая... такая, как... королева.

Зина не ожидала такого сравнения и засмеялась.

– Да, уж, этому она быстро научилась.

– В каком смысле? Научилась?

– А ты думаешь, такими королевами рождаются? Я ее помню, когда она не была... как ты говоришь, королевой.

Марта пожалала плечами, настроение испортилось, она не хотела, чтоб домработница сейчас начала разочаровывать ее в первых впечатлениях от знакомства с новой семьей.

Зина взглянула на наручные часы и спохватилась:

– Ой, пора мне. Ужин надо готовить. Вики сама не справится. Вики это моя помощница. Тебе если что понадобится, ты ее зови, она тоже с Украины. Или меня зови, я все сделаю. Чемодан я твой, кстати, в комнату тебе отнесла.

– Спасибо.

– Знаешь, где твоя комната?

– Нет еще.

– На второй этаж поднимаешься – последняя дверь прямо по коридору. Найдешь. Ключ в замке торчит.

– Хорошо.

Женщина встала со скамейки, Марта тоже пошла в дом. По дороге Зинаида объясняла:

– Я ведь давно здесь работаю. Много знаю. Кристиану и Беаточке лет семь было, когда я у них работать стала. – Она задумалась на секунду, посчитала в уме и подтвердила – да. Они как раз в школу пошли. Сама я с Украины. Приехала сюда работать. У нас тогда совсем тяжело

было с работой, вернее с работой все хорошо было, вот только платили за нее через раз. Раз заплатят, а раз вообще мне приходилось платить.

– Как это? – не поняла Марта.

– Кассиром я работала в супермаркете. Так там все строго было. Да ладно строго, я дисциплиной не пугана, а вот за всякого рода чужие ошибки приходилось кассирам расплачиваться. За нами смотрели охранники. Один охранник на трех кассиров. Так вот они-то и записывали всякого рода ошибки. На работу опоздали – штраф, курить вышли – штраф, на покупателя не так взглянули – штраф, старый продукт не продали – штраф. Так и получалось: раз мне зарплату выдадут, раз я ее за штрафы отдаю.

– Кошмар какой.

– Тяжелый народ на оплату. Я, конечно, страдала от этого тяжело. Ведь не виновата, а деньгами наказана. А тут подруга мамина со своей легкой подачи рассказала, что дочка ее уехала в Польшу на заработки и вот первые сто евро прислала. Так та радовалась, купила торт с пироженками и бегом к нам в гости. В общем, я ночь без сна провела. Как сейчас помню, все переживала и боялась, и трусила. Честно трусила, думала как я сама в чужой стране? Как-никак другой народ, другой язык, другие обычаи. И другие деньги. Вот это меня и взяло. Я и решилась. Обычаи выучила. Я человек хороший, порядочный – и людей встретила порядочных. С языком проблем не было – со мной все по-русски говорили, а польский я потихоньку выучила. Да чего его там учить, половина слов на наши похожи. На украинские. Вот, например, по-украински «На добранич», по-польски «Добраноц», по-русски «Спокойной ночи». Понятно?

– Нет – честно призналась девушка.

– Потому что польский с русским не похожи. А вот еще «Не розумьем» – «Не розумию». Как думаешь, что это в переводе.

Марта пожала плечами:

– Я не знаю.

– Правильно, только дословный перевод «Я не понимаю».

– А как будет спасибо?

– Дженкую. А по-украински – дякую.

– Дженкую – повторила Марта, пробуя слово на вкус. – Надо запомнить.

– Миллион раз еще услышишь и запомнишь.

Не торопясь они дошли до центрального входа, поднялись по ступенькам, открыв дверь перед Мартой, Зина предложила:

– Давай я тебе вечером все расскажу. Я освобожусь часов в девять, приходи часов в десять, пол одиннадцатого на лавочку, где я с тобой встретилась. Сможешь? Если нет, то завтра.

– Смогу, конечно. Приду.

Войдя в дом, Зина пошла в кухню, а Марта решила осмотреть дом. Прошлась по первому этажу, заглянула во все комнаты, двери которых были открыты, в закрытые не входила – не прилично без спроса. Поднялась на второй этаж, здесь все комнаты были закрыты – видимо все спальни. Свою нашла сразу. Ключ в замке. Замок в двери. Дверь в конце коридора.

Она зашла и подивилась – огромная комната, естественно с огромными окнами. Пора бы перестать удивляться. Отцу, так же как и ей самой, очень нравились большие окна, много света – натурального, природного света, не тот, который из-под потолка – электрический.

Окна ее комнаты выходили на наружную сторону, в парк, а не на бассейн. Марта открыла окно на полную. В комнату влетели свежий ветерок, аромат цветов и пчелка.

– Зачем ты сюда прилетела? – спросила Марта, наблюдая за жужжащим насекомым. – Тут нет ничего интересного. Тут опасно для тебя. Возвращайся домой.

Если бы она знала, что скоро станет такой же пчелкой, которая заблудилась в опасном месте и не знает, как вернуться домой.

Пчелка тоже ничего не знала, кружила по комнате и жужжала.

Марта распахнула все шторы, чтоб пчела не запуталась и вернулась на улицу.

Прошла в смежную комнату, оказавшейся ванной с санузлом. По размерам чуть меньше, чем сама спальня. Вернулась в комнату, присела на пол, возле чемодана, растянула его и стала разбирать.

Некоторые вещи развесила в шкафу, некоторые убрала на полочки, некоторые оставила на дне чемодана. Сама себе удивляясь, зачем взяла столько вещей. Приехала на неделю, а вещей как на полгода. Только шубы и пальто нет. Ну, еще и сапоги отсутствуют. Зато три пары обуви присутствуют в чемодане. На все случаи жизни. Но не факт, что она их все будет обувать. Вот только те, которые самые удобные и любимые, то есть те, в которых приехала.

Сделав все важные дела, Марта подумала и решила прилечь отдохнуть. Все равно бродить одной по дому – неприлично. Беату, скорей всего уложили спать, Кристиан тоже говорил, что будет спать, хотя собирался поехать в офис. Алисия, даже если не в своей комнате, не сможет общаться с Мартой без переводчика. А вечером она пойдет на встречу с Зиной, воспоминания об отце могут затянуться до самого утра, ведь женщина работает в этом доме двадцать лет. Как она сказала: «дети как раз в школу пошли»? Да. Тогда точно двадцать лет.

А вспоминать двадцатилетнюю историю – это не пять минут разговора, и даже не час.

Марта легла на кровать накинула на себя край одеяла, и, медленно моргая и наблюдая за кружащей пчелой, заснула.

Проснулась Марта за секунду, как в дверь постучали. Какие-то посторонние звуки разбудили ее. Хрыщ – хрыщ – хрыщ. Она сразу не поняла их происхождение.

Марта села на кровати и разрешила зайти.

В комнату заглянула девушка лет семнадцати в таком же одеянии, как Зина. И, когда она заговорила, Марта не сомневалась, что это Вики – помощница.

– Пани Марта, – обратилась она.

Марта улыбнулась, как-то смешно звучало это обращение, старомодно и чересчур уважительно. Нет, никто не отказывается от уважения, но и превозносить до небес не стоит. Тем более непривычно, когда это прозвучало к русской девушке.

– Ой, а можно меня не называть «пани». А то чувствую себя барыней.

Девушка опешила, растерялась, наверное забыла зачем приходила. Она промычала невразумительно и попросила:

– Пани Алисия требует, чтоб мы так обращались – попыталась она объяснить, но вовремя вспомнила, зачем пришла, и прекратила не начавшееся обсуждение хозяйских требований – время ужинать. Я пришла пригласить вас к столу.

– Хорошо. Сейчас я спущусь – Марта взглянула на часы в телефоне – ого. Уже семь часов.

– Да, пани, – подтвердила девушка.

Марта напугалась, она думала, что Вики уже ушла, так ей показалось спросонья. В открытое окно поступали звуки, и видимо Марта подумала, что это закрылась дверь за девушкой.

– Сейчас я спущусь – повторила Марта, поднимаясь с кровати.

Она подошла к окну, осмотрела комнату в поисках пчелы, ее нигде не было. Звуки, которые ее разбудили, доносились с улицы. Хрыщ – хрыщ – хрыщ.

Марта выглянула на улицу.

В парке под окнами ее комнаты, мужчина шкрябал по бетону метлой. Хрыщ – хрыщ – хрыщ. Хотя рядом стоял аппарат, похожий на пылесос, сдувающий листья, упавшие с деревьев и кустов.

Скоро осень завладеет природой на законных основаниях. Со всей своей мягкой и творческой натурой, красящей листья в яркие цвета, а небо в серые. А, иногда, с жестким характером, сбивающей все свое творческое творение с веток деревьев и выжимающей из туч грозы и ливни. А потом, успокоившись и вернувшись к радостному настроению, осень закружит раз-

ноцветные яркие листочки в танце. А потом грустит и покроет каждый листик инеем. Красиво. На оранжевом, красном, коричневом по краям листочке кристаллики замерзших капель воды. Необычно. Но осень имеет право грустить. И веселиться. Она ведь творческая натура.

Марта закрыла окно и пошла в ванную. В зеркале на нее смотрела уставшая, заспанная особа.

– Кто ты? – махнула на себя Марта, умылась и пошла по приглашению «к столу».

За столом сидел только Кристиан.

Он любезно отодвинул стул рядом с собой и пригласил:

– Садись тут. Поближе ко мне.

Марта села, собираясь спросить о самочувствии Беатрис, но Кристиан опередил ее:

– Извини, сестренка, но мы переборщили с вином. Ты кстати как себя чувствуешь?

Марте так нравилось, как он ее называет сестренкой, что подумала, от таких слов она чувствует себя прекрасно и ответила:

– Хорошо.

– Вино крепкое было. Убило Беатку. Меня сморило. Ты как?

– Нормально – Марта не стала пояснять, что не пила вино. – А Алисия Марковна где?

– В бассейне, наверное. Она не ужинает. Фигуру бережет. На счет этого она молодец.

Ответственная. Видишь, как выглядит. Как ровесница моя. Иногда не могу ее мамой называть при посторонних. Ты-то ужинать будешь?

– Конечно.

– Чего тебе положить? Буду за тобой ухаживать. Можно?

– Конечно. – Марта осмотрела стол – буду рыбу и вон тот салат.

– Одобряю ваш выбор. Блюдо шеф повара – засмеялся Кристиан – я тоже это буду.

Некоторое время они ели молча, потом Кристиан подал признаки желания общения:

– Плохо, что мы не знали друг друга раньше. И странно все это.

– Что?

– Что отец про тебя поздно узнал. Нам поздно рассказал. Могли бы раньше познакомиться. Все легче было это принять.

– А вы тяжело это приняли?

Кристиан задумался и вздохнул. Он доел рыбу, вытер рот салфеткой и откинулся на спинку стула.

– Не тяжело, а неожиданно. – Он посмотрел в тарелку Марты – положить тебе добавки.

– Нет. Я наелась.

– Пойдем тогда в зал. На диван.

– Пойдем – согласилась Марта.

Брат встал, отодвинул ей стул и, сообщив Зине, что они поели, пошли в зал.

За окном мужчина, отложил метлу и не шкрябал больше ею по бетону. Зато взял аппарат, похожий на пылесос сдувал листву с газона.

– Обожаю огромные окна в пол, от них светло, просторно и свободно. А еще, сидя в комнате, чувствуешь необъятную красоту природы. Вот она, рядом – поделилась Марта впечатлениями, потом вздохнула и продолжила прерванную тему разговора – отец все время знал обо мне. С самого моего рождения. Даже раньше.

Марта села на диван, где она сидела сегодня с Беатой, а Кристиан сел на то же самое место в кресло, закинул ногу на ногу и спросил:

– Вы общались?

– Нет. – Девушка помахала головой – ни разу.

– Почему?

– Я не знаю. – Она пожала плечами, задумчиво смотря в окно. – Это тайна покрытая мраком.

– Чего?

Марта посмотрела на сводного брата, да ему действительно интересно все то, что она говорит, вспоминает, рассказывает. И она говорила, вспоминала и рассказывала с удовольствием и ощущением благодарного слушателя.

– Я тоже хотела бы в этом разобраться. Моя мама жила со мной в богом заброшенной деревне. Хотя имела диплом финансиста. Что ее толкнуло уехать из Москвы, думаю, никогда об этом не узнаю, как бы мне это не хотелось.

– Может она сбежала от моего, то есть нашего отца?

– Я не знаю.

– Хотя, чего от него сбежать? Он же хороший человек был. Честно. Это не только я так считаю.

– Я верю. Я не собиралась тебя в этом разубеждать.

– Ты знаешь, как он меня воспитывал?

– Как?

– Как мужчину. Как помощника. Как друга. Как наследника.

– Мне иногда больно и обидно, что у нас не было времени. Совместного времени, чтобы поиграть, почитать, поговорить, посмотреть кино, наконец.

– Отец не любил кино. В детстве отец часто играл со мной.

– Вот видишь. А я это не знала. Обидно. Что я знаю о нем? Какой он был? Я знаю только его почерк. Такой интересный, красивый. Мне приятно читать его письма. Мне так приятен его почерк. Ничего о нем больше не знаю. Вот как вы играли?

– Моей любимой игрой была «тайные послания» – весело усмехнулся Кристиан, вспоминая приятное времяпровождение.

– А что это?

– Отец делал тайник, к примеру, в кухне в банке из-под кофе, либо в саду, под упавшим старым деревом, либо возле бассейна под сводом зонта. Давал мне некоторые несложные подсказки, где именно тайник. Я его без труда находил, а там «тайное послание». К примеру: купить к чаю конфет или помочь садовнику распилить и убрать то самое упавшее старое дерево. Разные веселые, не сложные, интересные и удивительные задания, которые радовали меня. И его. Только послание зашифровано кодом, который известен только мне и ему. Знаешь такие простенькие коды – картинка соответствует букве алфавита. Забавно, весело и в то же время чувствуешь себя шпионом, агентом ноль-ноль семь. Бонд. Джеймс Бонд. Вот так и играли.

– Забавно.

– Жалко, что мы не встретились раньше. Я бы и тебя брал в игру.

– А Беата тоже играла с вами?

– Нет. Она маменькина дочка, – засмеялся Кристиан – я понимаю, почему отец лишил ее наследства.

– Как?! – изумилась Марта – отец лишил ее наследства?

– Да. Оставил только половину квартиры в Варшаве. Ты не знала?

– Откуда?

– Ну, да, точно. Получается, он отписал все мне. Бизнес, замок, две квартиры в Варшаве, ну и машины естественно. Я так предполагаю, что он действовал по размышлению, что Беата не организована, ветреная хохотушка. Я, конечно, другого мнения о сестре – она молодая, веселая, беспечная. Ни дня не работала, только по клубам бегают. Но этот возраст пройдет, и она возьмется за ум. А мне он оставил все, зная, что я не профукаю, не продам, не потеряю ничего, и всегда буду делиться с сестрой и мамой.

– Подожди, Кристиан. А Алисия Марекровна тоже ничего в наследство не получила? Извини, конечно, что я интересуюсь. – Марта поторопилась объяснить – это конечно некультурно. Прости. Можешь не отвечать.

– Чего это? Мы одна семья. Ты имеешь право знать. – Махнул рукой Кристиан. – Я всегда думал, что отец отпишет мне российский бизнес, потому что я очень хорошо знаю русский. Беата тоже знает, но всегда думал, что ее отец оставит на родине. Парням привычнее и легче менять место жительства. Я бы без проблем переехал в Москву. Но отец распорядился иначе. Поделил между мной и тобой. Вторая половина квартиры в Варшаве досталась маме.

– Я не знаю уместно ли это сейчас, но я тоже не знала о наследстве. Оно мне как снег на голову упало.

– Какой снег? – не понял Кристиан.

Марта засмеялась:

– Ну вот, а ты говоришь, что хорошо знаешь русский язык. Объясню выражение: упасть, как снег на голову – означает неожиданность, неожиданную новость. И не всегда радостную.

– А тебе эта новость радостная была?

Марта тяжело вздохнула:

– В некотором роде. В тот момент моей жизни любая новость была радостной.

– Как это?

– Дело в том, что в то время, когда меня адвокат разыскивал с новостью о наследстве, я приехала в Москву. Как говорится – на заработки. С Анечкой приехала. С подружкой. В общем, нас выкрали.

Марта поехала, вспоминая те кошмарные дни.

– Чего? – вытаращив глаза, изумился Кристиан – в смысле, вас украли?

Она еще ни разу, ни кому не рассказывала о событиях, пережитых в то страшное время. На самом деле это была негласно запретная тема, к которой никто не хотел возвращаться: ни Аня, ни Оля, ни Митя, ни, естественно, Марта. Но, как-то само собой так пошло, и она поняла, что Кристиану она могла все рассказать, причем без страшных для себя последствий в виде паники, тревоги и опасности. И она рассказала:

– Да. Я сбежала. А Анечку долгое время держали, как это правильно сказать, в загородном доме взаперти. Мучали ее, били. А я в это время, без документов, без денег скрывалась с детьми, сбежавшими из интерната. Потом парень, который нас выкрал, убил девушку Соню. Босса поймала полиция и посадила в тюрьму. Там было много убитых. Ужас. Страшно вспоминать, но все это уже в прошлом.

– Кошмар какой. А зачем вас выкрали?

– Хотели в рабство продать.

Кристиан развел руками:

– В смысле в секс-рабство?

– Да. А потом мы помогли вернуться детям в приют. А меня разыскал нотариус с завещанием. Он принес мне печальную новость, что отец, которого я ни разу не видела, умер, но оставил мне наследство. Через некоторое время я радовалась этому наследству. Я сейчас объясню тебе. Дело в том, что деньги открывают многие двери и дают больше возможностей. Если бы у меня не было денег нашего отца, не было постоянного дохода от фирмы, не было жилья, то я бы не смогла оформить опеку над Митей и Олей.

– Опеку? Ты оформила опеку? Над кем?

– Олечка и Димочка – это брат и сестра, которые спасли меня. Помогли мне. Не позволили умереть с голода. Но я еще не до конца оформила опеку. Но юристы говорят, что осталось пять минут работы и все. Дети будут постоянно жить со мной. В загородном доме нашего отца. А опеке подавай – она стала загигать пальцы – постоянный доход, который может обеспечить

меня и двух детей из расчета на каждого человека, жилье, работу, мужа и кучу еще бюрократических требований.

– А муж у тебя есть.

– Нет, но этот вопрос перекрылся деньгами.

– Ты купила опеку? В смысле подкупила?

– Нет. Юристы доказали, что мой доход перекрывает этот обязательный пункт в списке требований, правил, документов и законов.

– Да – задумчиво протянул Кристиан – ну ты даешь. А ты слышала, что приемные дети испытывают своих родителей на прочность. Ты это как переживешь?

– А я это уже пережила – заявила Марта – слишком много было у меня испытаний на прочность. Я имею в виду и от самих ребят и от бандитов. Мы вместе столько пережили за то время, что нормальные люди и за всю жизнь не переживут. Так что мне это не грозит. Так что наследство открыло мне большие возможности и скоро у меня будет полноценная семья. Только сначала дети, а потом я выйду замуж.

– А вообще есть за кого?

Марта скромно улыбнулась:

– Ну как? Есть на примете один очень хороший человек. Но он еще не догадывается, что я на него глаз положила.

– Ох, – засмеялся Кристиан – коварная женщина.

– Расскажи мне еще про отца – попросила Марта.

– Он добрый был и справедливый. Где-то за неделю до смерти он сказал мне, чтоб я заботился о ВСЕХ женщинах моей семьи. Я засмеялся, говорю, пока не собираюсь заводить жену, а о маме и Беате и так забочусь. Он тогда разозлился на меня. Я махнул рукой, думаю, ну какая ему разница, женюсь я или нет, сегодня или завтра, можно подумать он сможет что-то изменить. В общем, мы не разговаривали. Он на меня чего-то разозлился. Я на него чего-то обиделся. Потом понял, что глупо все это. Собирался помириться, но меня отправили в командировку, я уехал. А через несколько дней он умер.

– Как он умер? От чего? Сердце? – успевала Марта спрашивать, пока брат печально вздыхал и вспоминал.

– Да. Хотя он никогда не жаловался. – Кристиан тяжело вздохнул. – Как-то на душе тяжело. Чувствую недосказанность. Недоговорили мы. Не помирились.

– Кристиан, ты не виноват. Не бери в голову. Все люди ссорятся, мирятся. Это нормально. Ты же не мог знать, что так случится. Сердечный приступ может в любую секунду застать человека. Не думаю, что тебе было бы легче, если бы в тот момент вы уже помирились. Было бы также тяжело от смерти отца. Ты не вини себя. Нужно продолжать жить и заботиться о своих женщинах.

– Спасибо тебе, Марта – покачал головой сводный брат. – Я рад, что у меня есть сестра-психолог. Слушай, психолог, поздно уже. Может, спать пойдем.

Он взглянул на часы и сообщил:

– Половина одиннадцатого. Ох. Спать пора. Завтра мне еще на работу съездить надо. – Развел руками – сегодня-то не получилось.

За приятными и сердечными разговорами со сводным братом, Марта и сама не заметила, как за окном стемнело. Она объяснила ему, что хочет погулять возле бассейна, и когда он, пожелав спокойной ночи, поднялся по шикарной гранитной лестнице на второй этаж, Марта отправилась в парк на встречу с Зиной.

Ни капли не жалея, что опаздывает, ведь договаривались в десять встретиться на лавочке, а уже почти одиннадцать часов. Разве можно жалеть о времени проведенным со своим братом в душевных разговорах, приятных воспоминаниях отца.

Но потом, Марта, естественно пожалела.

Она прошла по полутемным тропинкам и дорожкам к лавочке, на которой сидела днем. Метрах в двух от нее горел тусклый свет фонаря. Марта давно обратила внимание, что все фонари не яркие, видимо приглушают электричество, или лампочки вкручены слабенькие, поэтому освещалась часть дорожки. А большая ее часть была темна, сам парк вообще утонул в темноте. Только небо, чуть светлее, чем округа, просвечивалось через вековые сосны и ели.

И никого. Только сова, встревоженная ночной гулякой, как себя прозвала Марта, взлетела с одной сосны и полетела вглубь парка, на прощанье громко ухнув.

Темнота Марту пугала. Поэтому она устроилась на освещенной части лавочки и стала ждать Зину.

На улице стало прохладно. Скоро осень разгуляется. Будет гулять по территории парка и показывать свой характер с переменчивым настроением. То творческое и милое, то жестокое, а иногда грустное.

Сейчас она была в задумчивом настроении – вроде и пришла Осень, но Лето еще может погулять по парку. Как бы говорила: «Разрешаю. Гуляй. Мой расцвет настрой творческий краски наступит позже. Может завтра. Посмотрю по настроению».

Марта просидела с полчаса, чуть продрогла, и пошла обратно в замок, надеясь, что двери не закрыты на ключ, замки и засовы. А то придется звать и кричать, чтоб ее пустили, отогрели и спать уложили. Именно этого она хотела больше всего и именно в этом порядке.

Чтобы сильно не бояться и не трусить в темноте, она набрала номер телефона Анечки, извинилась, что не позвонила раньше, потому что заболталась с Кристианом. И он прекрасный парень, отличный брат, и она начинает к нему привыкать. Потом узнала как дела на фирме, и попросила днем позвонить Диме и Оле и рассказать, что у Марты все хорошо, и она их любит.

А подойдя ближе к замку, она увидела движение в окне на втором этаже – Зина закрывала плотные шторы.

– Во как. – Удивилась Марта и пропела – я пришла – тебя нема, обманула, подвела.

Спала Марта, на удивление, хорошо. Видимо подействовала прогулка на свежем воздухе перед сном. Вчера она вернулась в замок, сделала себе горячий чай, на кухне его выпила и поднялась по шикарной мраморной лестнице (ну вот, покоя ей не дает эта божественное произведение строителей) в комнату, приняла душ и легла спать.

Утром, проснувшись, пошла на поиски Зины, которая «обманула, подвела и не пришла».

Проходя по коридору, задумалась и стала считать, если вчера вечером она видела Зину в окне рядом со входом, то которая из дверей завела бы ее в ту комнату. Если бы она решила найти ее здесь.

Но подсчеты не привели к результату, ориентировалась она плохо, причем это знали все, даже Митя с Олей ее всегда за это называли Совой, которая днем сидит на дереве и ничего не видит. Зато логика подсказывала, что в это время суток Зина должна уже быть на своем рабочем посту – на кухне.

На кухне ее не оказалось, зато помощница Вики подсказала, где можно ее найти, а именно: в подвале с продуктами или небольшом складе с закрутками.

Марта не стала ждать и вышла на улицу, на крыльце они и встретились. Зина – в руках пакеты с продуктами – стала объяснять и извиняться, она-то не забыла о встрече с девушкой, она полночи промямлилась с Беатой.

Выяснилось, что сестре было плохо от вина, ее тошнило, а Зина за ней ухаживала.

– Давай сегодня на той же лавочке в десять часов – предложила Зина. – Я как раз освобожусь. Не думаю, что опять повторится вчерашний вечер. Бедная Беаточка. Совсем пить не умеет. Надеюсь, на свой день рождения она не станет напиваться.

– Я тоже не умею пить – призналась Марта, – у меня такая же реакция, как у нее.

– Странно. Слушай, Марточка, давай вечером я тебе все расскажу. Что да как, да почему. Эта семья полна тайн и секретиков. Твой отец любил их разгадывать. Поверь, мне есть, что тебе рассказать. В жизни такое бывает, только и удивляешься. Вот ты знаешь кто у нас садовник?

– Нет. Не знаю.

– Вот. Я тебе все-все расскажу. Приходи – посекретничаем – она хитро засмеялась, воодушевленно запрокинув взгляд вверх.

Лицо ее изменилось, настроение пропало, она засуетилась, заторопилась, распрощалась и быстро вошла в дом, даже не поинтересовавшись, будет ли Марта входить.

Марта опешила резкой перемене настроения домработницы и взглянула на окна замка – никого, кто мог бы испортить его женщине. Она постояла перед закрывшейся за Зиной дверью, развернулась и пошла на прогулку по парку.

Ранний осенний парк притягивал взор насыщенными красками, свежестью воздуха, ароматами поздних цветов и буйством эмоций, родившихся в груди. Марта пошла по тропинкам. Некоторые из них были вымощены брусчатыми камнями, некоторые вытоптаны частыми прогулками людей, некоторые отсыпаны гравием. И весь парк поражал своей многогранностью. Во всем. В деревьях – от дубов и ясеней, до елей и кедров. В кустарниках – от гибискуса и сирени, до рододендрона. В лавках – от старомодных до современных.

Любуясь красотой и вкусом парка, она добрела до старых хозяйственных построек. Здесь редко ступала нога человека, а руки вообще не доходили. Деревянные наполовину прогнившие постройки желали, чтоб их снесли, а на их месте выстроили новые каменные. Марта заглянула в одно из окон. Там был инвентарь садовника, старые груды хлама и ненужных вещей. Ничего красивого для взора.

Она развернулась и пошла любоваться прелестями парка.

– Я всего лишь познакомлюсь. Чего тут страшного? Я же ничего не буду ей говорить про Марту. Вот Марта вернется с Польши, а мы ей все на блюдечке с голубой каемочкой преподнесем. Сюрприз.

– Не нравится мне все это – с опаской заявил водитель Ильи. Интуиция часто спасала ему жизнь. В данном случае угрозы не виделось, но плохой исход событий предвиделся. Поэтому он пытался вразумить Анну, но безрезультатно.

– Она и сама ведь хочет докопаться до истины. Ты только представь себе, что твоя мама скрывает от тебя, что училась в институте, что жила в Москве, что у нее такой прекрасный жених... был. Она родила ему Марту. Вот только представь.

Парень недовольно цыкнул языком.

– Илюша, – протянула Аня – ну что ты, в самом деле? Чего ты боишься?

– Почти ничего, – честно без нотки веселья ответил водитель – но думаю, что Марта не одобрит ваше, Аня, рвение. Ей и так тяжело...

– Да знаю я, – нетерпеливо прервала Аня – не напоминай мне об этом каждые пять минут. Именно поэтому хочу помочь.

Она смотрела в окно автомобиля, вглядывалась в лица, рассматривая играющих на площадке детей, сидевших на лавочках бабушек, дедушек, мамочек и нянечек. Аня нервно вздохнула, дала понять Илье, что она переживает еще сильнее, чем сама Марта. Посидела, повздыхала и сообщила:

– Илюша, Марта сама хотела докопаться до истины. А мы с тобой очень сильно ей помогли. Она приедет и похвалит нас.

– Не уверен.

– Мы ведь ей время сэкономили – настаивала Аня. – Это хорошо.

– Не думаю.

– Ну что ты! в самом деле?. Не думаю... не уверен... что с тобой? Пойду я.

– И что вы ей скажете? Вы только подумайте, мать Марты не просто так уехала из Москвы, бросила все, цивилизацию, возможность работать в престижной фирме, диплом даже не взяла, беременная уехала, а может даже сбежала. Непонятно от чего, может и от родственников – неизвестно. Но факт остается фактом – она даже не взяла диплом, открывающий ей двери для работы в офисе. Она даже не вернулась за ним, когда родилась Марта. Почему? А вы хотите сейчас прийти к тетке Марты и сказать – здравствуйте, ваша племянница объявилась, любите и жалуйте. – Он развел руками, показывая на воображаемую племянницу. – Нельзя.

– Я не собираюсь так говорить.

– Надо все разузнать, а потом выходить на контакт.

– Илюша, ты – зануда. Я всего лишь хочу посмотреть какая она.

– Какая, какая? Вон, посмотрите – не обращая внимание на «зануду», водитель махнул головой в сторону гуляющих людей.

– Уже посмотрела, полюбовалась.

Она открыла дверь. Илья выскочил из машины, попытался возражать.

– Илюша! – строго остановила подруга Марты и направилась к детской площадке.

Ох, как его бесила ее манера разговора, бесило, как она его называет. Ласково и в то же время строго.

И что он может ей сказать? Просить не называть его так? Так она не послушает. Девушка сама себе на уме. Так еще и лучшая, близкая и единственная подруга Марты – его непосредственной начальницы, хозяйки автомобиля, водителем которого он является. А эта Аня называет его строжайше ласково Илюшей. Вложила в его имя всю свою доброту и строгость. Дуэт доброты и строгости в исполнении одной хрупкой девушки для одного сильного и стрессоустойчивого мужчины – это взрыв мозга.

– Блин – выругался Илья и сел обратно в машину, стал наблюдать за единственной, лучшей и близкой подругой хозяйки: Аней.

Аня присела на свободное место на лавочке возле женщины лет сорока. Девушка знала, что сестру Оксаны Максимовны зовут Елена Максимовна. Много лет назад Оксана оставила ей доверенность на получение диплома из института, а сама уехала в деревню Норки. И больше никогда не возвращалась в Москву. Так на нее вышла Марта. Вернее Марта на нее не выходила. Она всего лишь сделала запрос в институт финансов, где находится оригинал диплома ее матери. Официальный ответ прислали, указав доверенность и доверенного – Елену Максимовну Грекову. Но не дождалась результата поисков, уехала на день рождения своих сводных брата и сестры. А вчера служба безопасности фирмы «БигФудХаус» нашла тетюшку и передала Ане адрес Елены Максимовны.

Аня откладывает в долгий ящик знакомство с тетюшкой Марты не стала, вызвала Илюшу и отправилась на ее поиски.

Женщина наблюдала за ребенком, катающим машинку в песочнице. Держалась она отдельно от всех, чуть отстраненно, пряталась от солнца и, задумавшись, морщилась. Морщинки выдавали, и писали на ее лице грусть, озабоченность повседневными делами и тревогами.

На Аню она не обратила никакого внимания.

Аня взглянула на Илью, тот сидел в машине и внимательно за ней следил. Именно следил. Она повела бровью. Наверное, Илюша прав. Что она может сказать этой женщине.

Марта вернется от своих новоиспеченных родственников и придет сюда, если...

... если сама захочет.

Слишком много вопросов в жизни Оксаны Максимовны.

Ночь – время нечисти. Они выходят на охоту.

Марта закричала и побежала.

И побежала со всех сил. Побежала на свет в замке. В огромном красивом замке есть люди. Не оборотни и ведьмы, а люди. Они спасут ее.

Быстрее от мертвой Зины, от лавки, на которой они собирались встретиться и поговорить. Быстрее. Быстрее.

Только не видеть кровь. Так она и сделала. Стараясь не смотреть на окровавленную голову женщины, убегала. Платье все время разлеталось на ветру и приходилось придерживать подол, чтоб не оголялись ноги.

Мысли взрывались в голове, причиняя боль сознанию, напоминая, что в жизни любой шаг нужно обдумывать. Процесс трудоемкий, но повышающий вероятность безопасности. Марта успела себя отчитать, заметив, что ужас отступает. Какие бы события не последовали с этой секунды, изменить произошедшее уже не в её силах. Оставалось только вызвать полицию.

Вот только люди в облики полицейских – не лучше оборотней и ведьм. И они совсем ее не спасали, а топили в ужасе, подозрениях и недовериях.

Полицейский Стефан Войцеховский явно не верил Марте и всем своим видом это показывал. Он строго и неуважительно смотрел на иностранку. Понять кого она представляет – овечку или волчицу в овечьей шкуре – задача сложной степени решения. Но сам процесс вычисления был необходим.

«Русская. Чего ей дома не сиделось? – мысленно возмущался он. – До нее все спокойно было. Приехала. И сразу убийство. Да и не кого-то, а тоже русскую. Хотя, убитая была украинкой. Все одно. Обе иностранки».

– Зачем вы ночью пошли в парк?

– Это было не ночью, а вечером – уточнила Марта. – Правда, темно было, как ночью.

– Рассказывайте – потребовал Стефан.

Она вспомнила, как ей стало страшно, и она почувствовала в темноте руки оборотня. Она как бы опять это пережила. Вспомнила, как уже подходя к лавочке, возле, которой договорились встретиться Зиной, она ее увидела. Та лежала на земле. Но Марте и в голову не могло прийти, что она мертва. Первая мысль, что она уронила что-то и стала это искать, заглядывать под лавочку. Подходя ближе, Марта стала догадываться о страшном: несколько минут она видела лежащую Зину, но ни разу за это время не увидела, чтоб та пошевелилась в поисках того чего-то. Она подошла ближе и ее страшные опасения оправдались в виде огромной раны на затылке и струйки крови. Она вспомнила, как при виде крови на убитой Зине, пятилась в темноту парка. Кажется, остановилась, когда оперлась о ствол дерева. И тогда почувствовала опасность. Кто-то был рядом. Дышал рядом. Хотел из темноты кинуться, напугать.

Но это она не станет рассказывать. Это всего лишь разыгравшаяся фантазия. В оборотней и ведьм она не верила. Да и зачем оборотню или ведьме ее пугать? Она и так напугана.

Кажется, даже кричала и пицала от страха, побежала в замок. На ее крик все выскочили. Первый прибежал Кристиан, потом прислуга, потом Беата с Алисией. Она рассказала о Зине. Он взял фонарик, двух мужчин из прислуги и отправился в парк. Алисия вызвала полицию и скорую.

А теперь этот полицейский Стефан Войцеховский допрашивает Марту, всем своим видом давая понять, что не верит ее словам. А была бы его воля, вообще бы не понимал, но к его сожалению, он понимает русский язык, говорит на нем, и даже может без ошибок писать.

– Зачем? – спросил полицейский.

– Зинаида сказала, что расскажет мне об отце.

– Что расскажет?

– Она сказала, что это тайна, которую она знает. И хотела мне все рассказать.

– Она вам ее рассказала, вы разозлились и убили ее.

– Что вы такое говорите?! Я никогда никого не убивала.
– Всегда можно начать.
– Начать убивать?! Что вы такое говорите?! Вы меня обвиняете в убийстве Зины? – догадалась Марта.
– Еще нет.
– Тогда прекратите такие разговоры, пожалуйста. Я Зину не убивала. Я шла с ней поговорить. Она уже была мертва. Я испугалась и побежала в дом.
– Что она вам сказала?
– Ничего. Я не успела с ней поговорить. Она уже была мертва.
– Вы подходили к ней? Как вы узнали, что она мертва?
– Я не подходила к ней. Я увидела рану и кровь. – Марта поморщилась. – И я поняла, что она мертва.
– Даже пульс не проверили? – не поверил полицейский.
– Нет – с сожалением подтвердила Марта и стала объяснять – просто, понимаете, я боюсь крови...

Полицейский ее перебил:

– Все так говорят. Зачем вы приехали в Польшу? – он картинно покрутил в руках паспорт Марты с российским гербом.
– В гости. Здесь жил мой отец. Разве не понятно? Я приехала к своим родственникам.
– Мы пригласили сестру – подтвердил Кристиан.
Стефан Войцеховский быстро глянул на Кристиана, напомнив ему:
– Я с вами поговорю позже.

Кристиан громко и принципиально вздохнул, а полицейский тихо и принципиально переключился на Марту:

– В комнату к Зинаиде заходили?
– Я? – удивилась Марта, уставилась на полицейского, убедилась, что он действительно обращался к ней. – Нет! Зачем мне!? Я даже не знаю, где ее комната. И у меня нет привычки ходить по чужим комнатам.

Марте надоело оправдываться, она готова была расплакаться. Зину жалко, убили ее. Себя жалко, подозревают ее в убийстве. Что-то ей подсказывало, что это связано с историей, которую Зина хотела рассказать Марте. «Посекретничаем» сказала она. Что-то ей подсказывало, что убийство спланировано. И будет она теперь подозревать всех, кто в доме живет. Только что ее подозрения по сравнению с желаниями убийцы.

А Марта еще на всеуслышание сказала, что Зина рассказывала про отца. Убийца может подумать, что Зина успела ей рассказать страшную тайну (если она существует) и теперь опасность грозит именно Марте.

Она осмотрела всех сидящих в комнате, пытаясь осознать свое бесперспективное будущее.

Алисия внимательно слушала и, задумавшись, потирала себе лоб, как бы пытаясь стереть из головы эту жестокую информацию об убийстве домработницы. Тяжело вздыхала и также тяжело смотрела на Марту.

Кристиан сочувственно посматривал на Марту, взглядом говорил «Ты держись, сейчас он от тебя отстанет», поддерживал.

Беата сочувствовала, из солидарности покивала головой и скривила брови и скосила глаза в потолок, хорошо, что не цыкала в голос. Весь ее взгляд говорил: «Ну и глупец, этот Стефан, зато возомнил о себе невесть что, строит из себя всемогущего блюстителя закона. Проще надо быть с людьми, проще».

Полицейский злорадствовал и мысленно потирал руки. Марте даже показалось, что в этих мыслях он уже посадил ее в тюрьму, а родственникам и друзьям запретил приносить «передачи» и устраивать с ней встречи.

Но ее не за что сажать в тюрьму. Она-то не убийца. Она-то это точно знает. Убийца ходит на свободе. Может даже сидит в этой комнате. От этой мысли по спине побежали мурашки холода и страха.

Срочно надо сообщить всем и каждому, что Зина ничего ей не сказала, чтоб убийца не думал, что Марта что-то там такое знает.

И так ей страшно стало, что она забыла, что собиралась плакать от жалости к Зине и себе.

Она не стала дожидаться очередного обвинения от полицейского и заявила:

– Если вы меня обвиняете, мне нужно позвонить в посольство России.

– Не обвиняю.

– Тогда запишите себе в протокол: я с Зиной не успела ни о чем поговорить. Я пришла, она уже была мертва. Кто ее стукнул, я не видела. Было темно. Да и убийца, наверное, уже далеко убежал. А я убежала в дом.

– Хорошо – сдался полицейский, он не хотел звонков в посольство России, еще ему не хватало международного скандала, и он переключился на остальных жильцов дома. К хозяйке Алисии и ее детям он принципиально обратился по-польски:

– Вы где были, когда все случилось.

Те стали отвечать, давать показания. Причем говорили не спеша, размеренно. Куда подевался их громкий и эмоциональный говор? Марта раздражалась. Иногда в разговоре с полицейским упоминалось ее имя.

Сидеть, слушать и ничего не понимать. Вот это положение! Лучше не придумаешь!

Сидеть, слушать и понимать, что иногда говорят о ней – вот это положение лучше.

Эта ситуация вызывала у Марты чувство раздражения. А еще полицейский сильно ее нервировал, причем взаимно, она нервировала его, что он и показывал всем своим видом. Пользуясь своим положением законслужителя, он старался задавать ей каверзные вопросы. Конечно, он же сила! Он же полицейский! Он же в своем родном крае! Чем и старается воспользоваться.

Он – явная противоположность Валерию. Зато она опять одна в чужом городе. Сама. Потерянная.

В сложившейся ситуации стало себя жалко до слез.

Захотелось срочно позвонить Анечке. Все ей рассказать.

Марта встала из-за стола, извиняться не стала (хотя хотела, но передумала), сообщила, что будет в своей комнате и быстрым шагом вышла из столовой.

Она поднялась в комнату, набрала номер Анечки и стала ждать. Ждала она недолго.

– Привет, подруга – спросонья сказала Аня – тебе совсем ночами не спится? Вчера ночью звонила, сегодня опять.

– Привет, Анюта. Ой, точно ночь ведь. Извини. Я совсем забыла. Еще и разница во времени.

– Так. Что случилось? – требовательно спросила Аня.

Проявила способность феномена телепатии. Вот за это Марта готова была ее расцеловать, была бы она рядом. Лучше бы она была рядом.

– Ой, Анечка... – Марта засомневалась, может зря она подруге позвонила, собирается проблемы на нее навесить – а как у тебя дела?

– Говори уже, а то я сейчас к тебе прибегу. Чувствую же, что у тебя беда.

– Не у меня.

– Точно не у тебя?

– Тут женщину убили.

- Убили? – переспросила Аня, хотя четко расслышала. – Плохо.
- Да. А меня подозревают. – Пожаловалась Марта.
- Так. Срочно звони в посольство. Я скоро приеду. Я им всем устрою. Нет. Не будем терять время. Я поменяю тебе билет. На завтра же. Говори своему братику, пусть готовится отвезти тебя в аэропорт.
- Перестань паниковать – устало попросила Марта.
- Я не паникую. Я возмущаюсь. Чего это они придумали тебя подозревать?
- Глупо, но видимо у них других подозреваемых нет.
- Пусть ищут. При чем здесь ты? Кого вообще убили?
- Домработницу. Зину. Она работала давно у отца.
- Марта не хотела говорить Ане, что шла к Зине на встречу, поговорить об отце.
- А тут приехала ты, и домработницу убили. И тебя подозревают. Почему? Ты ее нашла?
- Да. Она должна была мне что-то рассказать про отца. Не успела – все же сказала Марта, хотя не собиралась.
- Так. Понятно. Собирайся. Ты уезжаешь.
- Анечка, ты чего?
- Того – крикнула Аня в трубку и стала объяснять так громко, что Марта отодвинула телефон от уха (все равно слышно) – женщину убили, потому что она должна была тебе рассказать тайну.
- Я не говорила – тайну. Я не знаю что это – сама себя переубеждала Марта.
- Зато убийца знает. – Тревожилась Анечка неспроста, ещё не остыли жуткие воспоминания прошлых опасных приключений. – Ты должна была узнать, и ее убили. Тебе грозит опасность.
- Но я ведь не узнала ничего.
- А может вообще тебя хотели убить – предположила Аня.
- Это из области фантастики – быстро ответила Марта, еще не хватало, чтоб Аня посеяла в ее душе ростки страха и паники. – Меня-то чего убивать? Я ничего не знаю. Никаких тайн и историй.
- Тебя могут убить ради наследства.
- Аня, – строго потребовала Марта – прекрати, пожалуйста. Ты говоришь, как полицейский.
- Как?
- Он мне не верит и пытается обвинить.
- Не имеет право.
- Я тоже так думаю, но устала спорить.
- В дверь постучали, и помощница Зины Вики позвала:
- Пани Марта. Пан полицейский зовет вас в столовую.
- Да, хорошо, я иду – отозвалась Марта и сказала в трубку – Анечка, мне надо идти. Давай я тебе завтра позвоню. И перестань думать о моих родственниках плохо. Не то я на тебя обижусь. Хорошо?
- Аня в трубку громко и прерывисто вздохнула, так чтоб Марта отчетливо это слышала. И с небольшим желанием согласилась:
- Хорошо. Только родственнички у тебя все какие-то?
- В смысле? – не поняла Марта.
- В смысле я нашла сестру твоей мамы. Елену Максимовну. Она мне не понравилась...
- Сестра? У моей мамы есть сестра?
- Да. Я её видела.
- Ты нашла? Как?
- Я не сама, я с Илюшей – быстро поправились подруга.

– Так, Аня! – строго потребовала Марта, справившись с первым изумлением, – я запрещаю тебе... без меня... общаться с моей тетей... еще не известно, что произошло между ней и мамой, что они друг друга почти тридцать лет не вспоминали. Ты меня слышишь? Бросай эту самостоятельность. Еще и Илью втянула. Не смей! Не то я на тебя...

– Да поняла я уже – обидишься, – сказала подруга – самостоятельность наказуема. Илья тоже так говорит.

Марта спустилась на первый этаж, с полицейским в столовой сидела одна Беатрис.

– Все уже подписали документы – пояснила она – осталась одна ты.

– Что подписать и где? – она устала, хотела спать, хотела спокойствия и домой. А здесь, мало того, почему зря головы людям бьют, а полицейский Стефан Войцеховский не верит ей, так еще и Аня устроила самостоятельное расследование, как Шерлок Холмс на даче – без скрипки и присмотра доктора Ватсона. И что-то подсказывало Марте (наверное, шестое чувство и годы дружбы) – подруга не оставит это дело.

Марта взяла со стола ручку и приготовилась писать. Полицейский объяснил:

– Подписка о невыезде. Здесь подпись.

– Что? – Марта с боку на него посмотрела и отступила назад – почему подписка о невыезде?

– Марта, так положено. Мы все подписали – сообщил Кристиан.

– А вы собрались сбежать? – полицейский не проявлял ни доли лояльности.

– Я не собиралась сбежать, – повысила на него голос Марта – у меня билет на самолет через два дня. Вы разве успеете поймать убийцу за два дня?

– А почему нет?

– А потому что вы изначально подозреваете меня. А я не убийца. Вы идете по ложному следу.

– Не хамите мне, девушка! – потребовал полицейский и пообещал – или я вас посажу в тюрьму.

Марта устало села на стул, Беатрис замахала руками.

– Нет, нет, она просто так разговаривает. Она не хамит. Простите ее.

Полицейский внимательно и выжидательно смотрел на иностранку.

– Извините – устало сказала Марта.

Полицейский расстелил перед ней документы и потребовал:

– Подпишите, здесь и здесь.

Марта подписала. Полицейские засобирались, вышли на улицу, погрузились в машину и уехали.

– Чего ты пошла к Зоське? – спросила Беатрис, вставая со стула, и направилась к окну, выглянула на улицу и сообщила – полиция уехала. Да. Он конечно в тебя вцепился мертвой хваткой. Зоську давно увезли. Жалко ее. Пойдем кофе попьем.

– Пойдем – согласилась Марта.

Они перебазировались на кухню, ближе к кофе машине. Беатрис включила ее и подставила кружечку, сделала сначала Марте, потом себе. Села напротив Марты и опять спросила:

– Чего ты пошла к Зоське?

Марта смотрела на черную воду в кружке, подула на нее, от края чашки пошло кофейное движение – раздражение. Она потянула носом, приятного любимого, бодрящего аромата кофе она не слышала.

«Наверное – подумала она – просквозило меня в парке, или подмерзла. Нос не работает, не исполняет свои прямые обязанности – нюхательного процесса. Хоть бы не заболеть. Этого еще не хватало. Простыть и свалиться с температурой в кровать. Надо будет перед сном ванную горячую принять, чтоб не засопливить. Зоська, Зоська – коровье имя».

Ее раздражало имя Зоська.

Она пошмыгала носом, понюхала кофе и отрезала:

– Нет такого имени.

– Какого? – не поняла Беата, удивившись резкому замечанию.

– Зоська. Есть Зинаида и сокращенно Зина. Ласково Зиночка. Зинуля, наконец. Но не Зоська.

– А мы привыкли. Так чего?

Марта перевела взгляд с кофейного напитка на Беатрис и спросила:

– Чего?

– Чего ты пошла к Зось... к Зине? – повторила она вопрос.

– Об отце поговорить. Я ведь про него ничего не знаю. И ей об этом сказала. Еще вчера, когда приехала. Вот она решила меня просветить. А работает она допоздна, поэтому мы решили встретиться вечером возле лавки.

– Понятно. А чего меня про отца не спросила? – Беата села напротив, держа обеими руками кружку с кофе, стала отпивать по маленькому глотку.

Марта сделала глоток кофе, понимая, что этой ночью уже не уснет, от кофе и потрясений, и ответила:

– Вчера тебе плохо было...

– О-о-о, да – поежилась Беата. – Не вспоминай.

– А сегодня мне как-то стыдно было у тебя спрашивать.

– Почему? – удивилась Беатрис.

– Ты все время с мамой.

– И что?

– Если бы я у тебя спрашивала, она бы интересовалась, о чем мы разговариваем.

– И что?

– Мне неудобно было.

– Ничего не понимаю. Почему?

Марта тяжело вздохнула, готовая разозлиться на глупые настырные вопросы сводной сестры. Она не хотела разговаривать, она хотела в большую комнату на втором этаже, с большим окном, в большую теплую и мягкую кровать. Она хотела накрыться с головой и заснуть. И чтоб проснуться утром и понять, что ничего не было, ни убийства Зины, ни полицейского допроса. А еще лучше, чтоб и поездки в Польшу не было. В кровать добраться все-таки получится, а вот проснуться и понять, что это был лишь кошмарный сон – не получится. Она опять тяжело вздохнула и не разозлилась, а пояснила:

– Ты не понимаешь, потому что ты родная дочь в семье. И жила всю жизнь с мамой и папой. А я дочь от любовницы. Как бы это жестоко не звучало. Я уверена, что Алисия не очень радовалась, когда узнала обо мне. А тут мало того, что я явилась к вам в дом, так еще и спрашиваю про ее мужа. Он для нее в первую очередь муж, потом отец ее детей, а потом уже мой отец.

– Не знаю, что тебе хотела рассказать Зоська, то есть Зина. Точно могу сказать, что не секретики это вовсе. Не было у него никаких секретиков.

– Так я не говорила про секреты. Я просто хотела о нем узнать больше.

– Пойдем – Беатрис отодвинула недопитую кружку кофе и потянула Марту из-за стола – пойдем-пойдем.

– Куда? – не понимала Марта, выползая из-за стола.

– Я тебе покажу.

Марта ужасно устала этой ночью, выжата как лимон и такая же кислая как он, еле передвигала ноги, следуя за Беатой. Та наоборот поймала какой-то кураж. Неужели на нее так кофе подействовало? Проходя мимо зала, она отпустила Марту и быстрым шагом подошла к комоду,

взяла на нем связку ключей, довела Марту до последней комнаты по коридору, открыла замок и объявила:

– Это кабинет отца. Заходи. Думаю уже можно. – Она подтолкнула Марту внутрь и вошла сама.

– Что уже можно?

– Входить. Раньше нельзя было. – Объясняла Беатрис, сев на глубокий кожаный диван – чтобы не мешать ему. Он всегда здесь работал. А когда он умер, кабинет закрыли на замок и не открывали. Что нам тут делать? Да и нет здесь ничего интересного. Нужные документы Кристиан вынес, увез в офис. Он-то дома не работает. Вот так отец жил. Дом ты видела, теперь смотри, как он работал. Вот, смотри, фотоальбом.

Она потянулась к журнальному столику, взяла на нем бархатный альбом, погладила приятный на ощупь материал, и подала Марте.

Марта взяла, также провела по поверхности рукой. У ее мамы был такой же альбом. Когда Марта осталась в Москве и стала обживать в доме отца, то решила перевезти все свои вещи из родного дома. Она съездила в Норки и забрала из полуразвалившегося дома все более-менее ценные вещи.

В список самых ценных и памятных вещей входили фотографии.

Фотография – это память.

В одном из таких альбомов, под фотографией, она нашла копию диплома мамы – доказательство ее учебы в высшем учебном заведении столицы.

Марта тяжело вздохнула. Тайна номер один – почему мама скрывала от своей дочери эту страницу своей жизни – не давала ей покоя.

В Москве полно фотографий ее сводных брата и сестры, полно фотографий его жены. Есть даже альбом с ее матерью. Она любила их пересматривать. Во-первых, ей все было неизвестно, во вторых она открывала для себя неизвестную страницу их биографии. Одна фотография лежала отдельно и имела особый статус. Марта влюбилась в нее. Только из-за того, что отец писал на ней искренние пожелания. У него красивый каллиграфический почерк.

Снимок сделан на крыльце родильного дома. Там Алисия еще такая молоденькая девочка, две медсестры с двумя младенцами – это Беатрис и Кристиан – еще какой-то мужчина с цветами, шарами. Отец всех фотографировал.

Какое-то чувство грусти напало на нее: с одной разницей этот дом наполнен людьми настоящими живыми людьми, а в Москве он был пуст, и там все было только отца и никого более.

Она хорошо помнит тот день, когда получила из рук адвоката письмо отца, а позже и само наследство. Она ходила в московском доме, жалела, что не встретится уже никогда с отцом. Смотрела на его вещи, на предметы, которым он пользовался, и пыталась понять, как он жил. Что писал за вот этим своим письменным столом. Что именно ел, когда сидел в столовой за столом. Какие мысли приходили ему на ум, когда он сидел на качели в саду? А может он просто отдыхал в них и старался ни о чем не думать. А где в доме он вспоминал о ней? Об Оксане, ее матери?

Сейчас на нее напали те же самые чувства, мысли и ощущения глубокой грусти. Она также ходит по кабинету, как ходила тогда по дому. Трогает на ощупь книги и поверхность стола, как бы прощупывает оставленную на поверхности его энергию, его мысли, его жизнь.

Марта открыла стеклянную дверцу книжного шкафа, стекло радостно блеснуло, отражая свет от торшера, как бы говоря «берите книги, читайте. Берите, берите».

В основном все книги были на польском языке, но несколько на русском – детектив, Пушкин (как без него? Никак. В любой библиотеке должны стоять его произведения. Ведь он никем не заменим и навсегда необходим), опять детектив, Рэй Брэдбери (почему-то на русском, наверное куплен в Москве).

Марта провела рукой по разноцветным корешкам книг. Они отдавали энергию и тепло. Чувство грусти не покидало Марту.

Беата скучала, примостила руку на подлокотник дивана, оперла голову на нее и наблюдала за Мартой, без видимого энтузиазма.

– Удивляюсь твоему любопытству – скептически сказала Беата – почему люди такие сентиментальные? Или у тебя всплеск гормонов?

Марта не поворачиваясь, смахнула с ресниц, накатившую слезу и ответила:

– Нет у меня никаких всплесков.

Марта закрыла дверцы шкафа, стекло снова блеснуло зайчиком света, как бы говоря: «Приходи еще почитать». Она открыла фотоальбом – первая фотография отца. Черно-белый снимок на удивление акцентировал внимание только на отце, без всяких ярких и пестрых цветовых пятен жизни вокруг него. Монохромная фотография показала только главное – человека. Отца.

Красивый статный мужчина внимательно смотрел в объектив и в... душу. Это магия черно-белого фото.

Беата закинула ноги на диван и вытянулась.

– Слушай, Марта, – взмолилась Беата – пойдем уже спать.

– Да, конечно, – согласилась Марта, даже не шевельнувшись.

Ей было интересно смотреть фотографии отца. На них запечатлены самые любопытные моменты его жизни. Его досуга, его праздников, его быта. Сам он на всех фотографиях красивый статный, высокий мужчина.

– Марта, ты возьми эти альбомы себе, посмотри, полистай, – она достала из стола еще альбомы – вот еще, возьми. Только пошли спать. Я так устала. А завтра день рождения.

Марта взглянула на сводную сестру, та сидела уже действительно с уставшим видом, зевала и потирала глаза.

Беата, продолжая зевать, поясняла:

– Нужно отдохнуть. Будет много гостей. Я переживаю. Я хочу тебя познакомить со всеми моими друзьями. А еще будет фейерверк.

– Будет фейерверк, – задумчиво повторила Марта и подумала «жалко, что Зины уже не будет», закрыла альбом – пойдем отдыхать.

Вернувшись в комнату, Марта поняла, что заснуть не сможет. Давал о себе знать выпитый ночью стакан кофе и перенесенные потрясения от убийства Зины и допроса полицейского Стефана. Как же его фамилия? Не важно. Надеюсь больше его не увидеть. Противный, хамский, наглый мужчина, считающий себя всемогущим.

Марта зашла в ванную комнату, включила горячую воду, стала наполнять ванну. Глубоко вдохнула, шмыгнула носом, без сомнения она простыла, без сомнения нужно принять горячую ванну, чтобы прогреть свои старые кости, мышцы и нос.

Пока набиралась ванна, Марта вернулась в комнату, забралась с ногами на кровать, накрылась одеялом. Полежала, повздыхала о своей грустной судьбе. Полицейский Стефан Войцеховский собирается повесить на нее всех собак и убийство Кеннеди с Монро, а также бывшего премьер-министра Польши Петра Ярошевича.

Чтобы как-то отвлечься от грустных и неприятных мыслей, Марта подтянула к себе альбом и продолжила смотреть фотографии. Она долистала до свадебных страниц, поймала себя на мысли, что отец больше подходил ее матери, чем Алисии. Подходил по возрасту, по поведению, по любви к большим окнам, по любви к фотографиям, по любви к секретам, наконец.

А на фотографиях с Алисией чувствовался мезальянс. Хотя Пушкин считал, что любви все возрасты покорны. А с учетом того, что в кабинете отца стоят три тома Пушкина, то, видимо, он тоже так считал.

Марта списала эти глупые мысли на элементарную человеческую зависть.

Она тяжело вздохнула. Тут, как ни крути, как не старайся себя переубедить, но зависть присутствовала. Зависть как икота – непроизвольное, неконтролируемое состояние человеческого организма – неконтролируемо и непроизвольно влезла в ее душу.

Она завидовала Алисии, что заняла место ее матери, она завидовала своим сводным брату и сестре, что каждый день виделись и общались с отцом. А она сама ни разу его не видела и не слышала.

Она даже ни слова о нем не слышала. Интересно, почему мама не стала ничего о нем рассказывать? Судя по рассказам чужих людей, той же Зины, покойницы, отец был хорошим человеком. Почему мама приняла решение забыть о нем навсегда и не вспомнить даже перед смертью, даже когда болела ни слова, ни полслова не сказала Марте о нем. Почему?

Одна из фотографий показалась ей очень толстой, как бы напечатана на глянцевом картоне. За уголки фото держали четыре ушка, как ладошки. Она достала фото из «ладошек», перевернула и прочитала:

«Жениться на актрисе считалось мезальянсом для гвардейца».

Марта хмыкнула:

– Я тоже так считаю.

И улыбнулась, видимо отец, тоже считал брак с Алисией – неравным.

Но, не смотря на это, женился на молодой девушке.

Марта перелистала все свадебные фотографии и дошла до детских. Кристиан и Беата такие разные, и в тоже время похожие. Их фото было много. Дети были запечатлены везде. Везде были ее сводные брат и сестра. И везде их фотографировал отец.

Марта постаралась не думать, что ее фото нет. Нигде она не была с отцом, а они везде.

Она отправила черную мысль зависти поглубже в подсознание и стала рассматривать снимки. Один из них также привлек ее любопытное внимание. Марта вытащила ее и не смогла прочитать ни слова – сплошные закорючки, завитушки, палочки, цветочки, китайские иероглифы и прочие непонятные рисунки.

– Любимая игра отца. Тайное послание.

О таком рассказывал Кристиан. Отец оставлял ему зашифрованное письмо, которое маленький Кристиан разгадывал, а потом очень радовался. Марта не стала возвращать фотографию в «ладошки», оставила. Положила сверху на альбом, решив завтра отдать ее брату.

Она сползла с кровати и пошла принимать ванную, прогревать свои кости, мысли, мышцы и, самое главное, нос.

Вся семья была в сборе, когда Марта спустилась к завтраку. Настроение у всех было не праздничное, видимо все не выспались. Упадок настроения присутствовал везде и в глазах каждого. События вчерашнего дня казались жестокими.

Не смотря на день рождения двоих детей, Алисия сидела хмурая, нервно постукивала по столу пальцем. Беата расстроилась, что в связи со смертью Зины, придется переложить празднование. А еще и завтрак не такой вкусный, как делала Зина, и Вики еще расти и расти до уровня Зоськи, как младенцу до силача. Кристиан молча жевал батон с сыром, запивал чаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.